

ISSN 0131-5994

POBEGCHIK

8'91

АВГУСТ

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Виола Роггенкамф. В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ
9. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЕТЕРАНУ
10. В. Симонов. КУДА МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ГО-
НИЛ
13. В УНИВЕРСИТЕТ ХОЧЕТСЯ
14. Винсен Бофис. «ЧЕРЕПАХИ НИНДЗЯ»
НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Клаус Кински. МОЕ СТРАШНОЕ ДЕ-
СТВО
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Франсуаза Саган. ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА.
ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
28. Мария Грация Кутули. ИЗ РОССИИ С
ЛЮБОВЬЮ
29. П. Вагина. АМЕРИКАНКА В «РУССКОМ
ДОМЕ»
31. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: молодой фран-
цузский ученый, участник энтомологической экспедиции, ис-
следовавший состояние тропических лесов в Южной
Америке.

Фото Рафаэля ГЕЙАРДА
(журнал «Нэшнл джеографик»)

РОВЕСНИК 8'91 август

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллектив редакции
ЦН ВЛКСМ
ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М.
ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (от-
ветственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИ-
ЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М.
САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам.
главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмит-
ровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок,
285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов
разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 31.05.91. Подписано в печ. 21.06.91.
Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага оф-
сетная № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-
изд. л. 5,5. Тираж 2 050 000 экз. Цена 60 коп.
Зан. 2116.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Моло-
дая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, И-30, ГСП-
4, Сушневская ул., 21.

РОЖДЕННЫЙ СВЯТЫМ

Тенцин Хентсе вбегает в комнату со всей энергией, на какую способен четырехлет-
ний ребенок. В одной руке у
него недоеденное печенье,
другой он пытается схватить
все, что попадается на пути, —
колокольчик, мяч, четки. Но
мальчишка с обритой головой
и в буддийской тоге уже знает
о своем особом предназначе-
нии. Когда старый монах вхо-
дит в комнату, он усаживается
на скамеечку и принимает во-
шедшего. Монах делает низ-
кий поклон и подает малышу
белую шелковую перевязь
для молитв. Тот надевает ее
на шею монаху и, благослов-
ляя, насаждает рукой его лба.
Вокруг в почтительных позах
стоят другие монахи, взирая
на малыша с благоговейным
трепетом.

В отличие от персонажа
американского фильма-бест-
селлера «Золотое дитя», в ко-
тором ребенок, являющийся
воплощением высших сил до-
бра, способен творить чуде-
са, этот малыш вполне реален
и не претендует пока на чудот-
ворца. Но для монахов Тен-
цин — воплощение их бывшего
учителя Хентсуна Пема Гял-
сина, умершего пять лет на-
зад. Он был настоятелем мо-
настыря Дрелунг в Мунгоде,
тибетском поселении в Ин-
дии. Многие из последовате-
лей умершего настоятеля ве-
рят, что после своей смерти
он вернулся на землю, его ду-
ша воплотилась в ребенка.
Дакпа Самдуп, служивший на-
стоятелю 30 лет, говорит, что
учитель знал о своем возвра-
щении. «Перед смертью он

попросил приготовить дет-
скую тогу», — объясняет Сам-
дуп.

В том, что души их наставни-
ков переселяются в новорож-
денных детей, для буддийских
монахов нет ничего необычно-
го. В Дрелунге уже живет не-
сколько ребят, в которых, как
считается, продолжают
свою жизнь умершие мона-
хи. Но эти дети родились в
Индии, а Тенцин — на терри-
тории Китая. Его пришлось
вывозить оттуда контрабан-
дным путем.

Поначалу Самдуп не знал,
где искать святого ребенка, в
которого переселился дух его

РОВЕСНИК-8

учителя, пока не получил письмо из Китая от женщины, писавшей, что ее сын родился уже с умением молиться. Перед родами ей было видение, где содержался намек на предназначение будущего ребенка.

Несколько монахов отправились в Китай, нашли женщину, взяли с собой малыша и тайно перевезли его через границу.

То, как малыш реагировал на расставание с родителями, монахи посчитали доказательством его особого предназначения. Малыш улыбался, когда мать и отец рыдали, прощаясь

с ним. Покинув родной дом, он о нем больше не вспоминал.

На снимке вверху: Тенцин Хентсе.

с ним. Покинув родной дом, он о нем больше не вспоминал.

На снимке внизу: Тенцин Хентсе.

СТУДЕНТЫ, РОК И БИЗНЕС

В офисах знаменитой фирмы грамзаписи «Полиграм рекордс» Тим Хайд, может быть, главная знаменитость. Он известен не только благодаря экстравагантной манере оде-

Мир Мимоходом

путы и славе. Популярный в начале 80-х только на студенческих радиостанциях группы «Кьюз» и «Депеш мод» в результате добились огромного коммерческого успеха.

Ведущие фирмы грамзаписи увидели, что с помощью студенческих радиостанций стало возможным в течение нескольких лет опробовать рок-группу, прежде чем сделать на нее ставку. И индустрия грамзаписи вступила в сотрудничество со студенческими диск-жокеями. Что, конечно, наложилось на их студии определенный отпечаток. Из полуподпольных клубов, формировавших молодежную моду, они превратились в коммерческие предприятия. Прежде фирмы грамзаписи даже подавали в суд на студенческие радиостанции за то, что они гоняли их диски в своих передачах, а теперь готовы заплатить 25 тысяч долларов в год за рекламу тех же пластинок по студенческим радиоканалам.

На снимке вверху: диск-жокей студенческой радиостанции Лори Блюментал в студии.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА ЮАР

Виллема де Клерка, младшего сына президента ЮАР, и Эрику Адамс, дочь метиса, лидера оппозиции, представляющего провинцию Болан в парламенте Кейптауна, вполне можно сравнить с Ромео и Джульеттой. Познакомились они около двух лет назад. Оба летели в Кейптаун, и их места в самолете оказались рядом. «Мы болтали всю дорогу до Кейптауна, — рассказывает Виллем. — Там я позвонил ей на работу, и мы договорились встретиться.

Потом я провожал ее домой. У подъезда мы впервые поцеловались. Но тогда нам было только по 22 года. Мы считали, что слишком молоды для более серьезных отношений. Сегодня все обстоит иначе.

Когда в прошлом году я уехал в Англию на стажировку в Кембридж, я долго не решался ей обо всем написать. А потом не выдержал, написал, что больше всего в жизни мне не хватает ее. Теперь она здесь, со мной, и я счастлив. Она так хорошо на меня влияет! Когда я ленюсь, она превращает меня в неутомимого труженика. Если я грущу, она возвращает мне радость жизни. Когда я затрудняюсь в принятии решения, она приходит мне на помощь. Она — самый дорогой мне человек. Ничто не сможет нас разлучить.

Сейчас слишком рано судить, будет ли наша любовь препятствием в политическом развитии нашей страны, — продолжает Виллем. — Я очень надеюсь, что, наоборот, она сыграет положительную роль. Мы постарались здраво оценить все последствия наших действий. Возможно, мы будем символом зарождающейся новой ЮАР».

А Эрика добавляет: «Однажды в ресторане какая-то пожилая белая женщина спросила меня, та ли я девушка, которую она видела в газетах вместе с сыном президента Де Клерка. Когда я ответила утвердительно, ее подруги зааплодировали, а она сказала: «Благодаря вам я горжусь, что живу в Южной Африке. Вы — лучшее, что случилось в нашей стране за последнее время».

На снимке в центре: Виллем и Эрика.

ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЮНИСПОРТ»

в сжатые сроки изготовит по вашим заказам различные виды надежных, многофункциональных, недорогих тренажеров для квартиры, спортзала и открытых спортплощадок;

оборудует детские игровые площадки и спортивно-игровые комнаты детских садов;

изготовит декоративные решетки на окна, небольшие ограды, витражи и изделия декоративно-прикладного искусства;

продаст специальное устройство для удаления олова при особо точных радиоэлектромонтажных работах;

выполнит любые провентные работы.

Наш адрес: 117036, Москва, ул. Д. Ульянова, 24;

☎125-55-95, 123-19-62, с 10 до 16 часов.

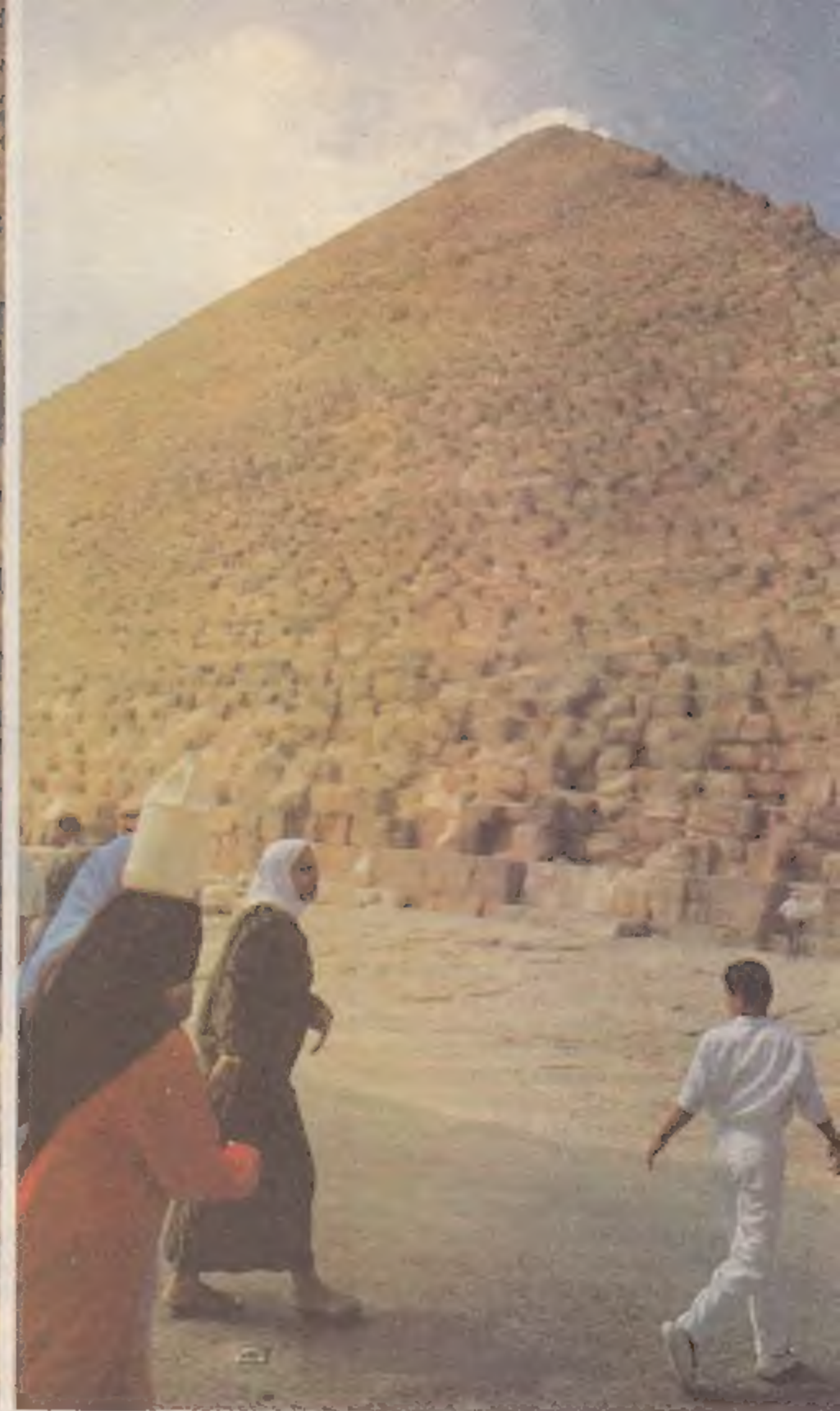
Смотрите:

Эх, старый фаэтонщик, отстал ты от экспресса жизни!.. Или экспресс бежит зачем-то, куда-то сам по себе, а ты живешь в другом ритме: цок, цок, цок... Не знаю, что чувствуют египтяне, когда стоят рядом с древними как мир пирамидами. Наверное, ничего особенного. Пирамиды и есть пирамиды — часть повседневной жизни, — как песок, который перенатывает туда-сюда сухой ветер. А вот для мальчишек пирамиды имеют громадное значение, потому что по ним можно ползать. И смотрят старые-престарые пирамиды век за веком на сменяющие друг друга поколения людей, течет время, как вода в этой вечной реке Нил. Какую мудрость веков хотят донести старейшины до людей? Шепчет вода Нила, свистит в каменных щелях пирамид сухой ветер. Не слушают люди.

Фото Е. СТЕЦКО

Израильский пост в тылу иракских войск. Есть раненые, и нет воды. Строжайший приказ — абсолютная тишина. Если иракцы обнаружат пост, всем грозит гибель. Раненый беспрестанно стонет и просит воды, подвергая опасности жизнь всех остальных. Командир отдает приказ задушить раненого.

Компьютер ставит этическую и моральную проблему перед израильскими подростками, которые должны найти выход из положения. Это не просто игра и не только часть истории их страны. Это действительность и, вполне возможно, их реальное будущее, включающее в себя армейскую службу.

А есть ли какое-то другое решение? Должен ли действовать командир именно так? Был ли он вправе? И должен ли солдат выполнять такой приказ? Компьютер задает вопрос, а молодые израильтяне отвечают:

— Можно было бы просто оглушить раненого.

— А если ему сделать усыпляющий укол?

— Да где же его на фронте взять, глупая голова!

— Если уж другого выхода нет, это должен сделать сам командир.

Объединенное движение киббуцев в центре «Йигаль Аллон» составило несколько компьютерных программ подобного рода, призванных воспитывать у молодежи социальную ответственность, способность принимать решения и готовность действовать.

Заложена в компьютер и история еврейского народа и государства. Нажатие кнопки — и на дисплее появляется хронология иудейской войны, восстание евреев против римлян, участие во второй мировой войне на территории тогдашней Палестины на стороне британских войск, стратегически важные периоды в войне за независимость 1948 года, ход военных событий в Синайском походе 8 лет спустя, шестидневная война в 1967 году, затем война 1973 года, Ливан — 1982 года. За прошедшие 50 лет почти каждые 8 лет — война.

Яэль, Михал, Иран, Гал, Джонни и Ифтах родились во время войны 1973 года. Во время ливанского конфликта им было по 8 — 9 лет. Летом прошлого года они закончили Иерусалимскую гимназию, а осенью стали солдатами израильской армии. Почти все их учителя в гимназии со времени получения Израилем независимости пережили 5 войн: сначала в детском возрасте, потом, став взрослыми. Им пришлось похоронить некоторых своих учеников на большом военном кладбище Иерусалима. Средний возраст погибших — 20 — 24 года.

Их учитель Янкерле Сариг должен, как и все мужчины-резервисты, каждый год отслужить в армии 40 дней. Он приписан к воинской части в секторе Газа. Политические же его симпатии принадлежат небольшой левой

ВОЖДААНИИ ВОЙНЫ

Виола РОГЕНКАМПФ,
немецкая журналистка

Страх перед террором стал их буднями, а служба в армии — делом само собой разумеющимся. Шесть израильских школьников рассказывают о своих проблемах и надеждах.

партии интеллектуалов «Ратц», выступающей за создание независимого палестинского государства. Почему же в таком случае он не отказывается служить на оккупированной Израилем территории, как это делают некоторые солдаты? «Разве будет лучше, если вместо меня с моими политическими взглядами туда отправится солдат-шовинист?» — говорит учитель.

То, что война может разразиться в любой момент, стало повседневной мыслью в Израиле не только в связи с вторжением Саддама Хусейна в Кувейт. Из года в год, изо дня в день об этом пишут газеты всех политических направлений, это обсуждается за обедом в ресторане и в такси. Об израильском солдате и его борьбе с интифадой, о преданности его своей родине, его воспоминаниях о близких, погибших в «холокосте» во время массового уничтожения евреев гитлеровцами, и о его теперешней жизни в качестве оккупанта, а иногда и карателя снимают фильмы и пишут музыку.

Ни одному из шести гимназистов не пришла в голову мысль отказаться от

военной службы. Напротив, воинскую повинность они рассматривают как гражданский долг. «Наша сильная армия гарантирует существование Израиля», — в один голос заявляют все шестеро. Эта мысль прививается детям уже в детском саду. Из-за постоянных угроз Ирака использовать в военных действиях против Израиля химическое оружие девушкам-военнослужащим приходится обучать пяти-шестилетних малышей в детских садах пользоваться противогазами.

Еще до кризиса в Персидском заливе привычными для глаз в городах стали обозначенные на стенах домов и на садовых заборах черной и красной краской указатели близлежащих бомбоубежищ.

Страна евреев уже в течение 42 лет после пяти войн все еще не знает мира и покоя. Отсюда то уважение, которым пользуются в израильском обществе молодые солдаты — девушки и юноши, несмотря на то, что некоторые из них, будучи взрослыми людьми, в войне нервов против интифады совершают жестокие преступления

против палестинских детей.

«Тот, кто не идет в армию, как бы выпадает из общества, становится аутсайдером», — говорит Джонни. За чашкой кофе мы ведем беседу с ребятами об Израиле, об интифаде, о сионизме и антисемитизме и о том, что значит для них быть евреями: для Джонни, Ирана, Гала и Ифтах, Михал и Яэль. За исключением Джонни, все они носят старые израильские или библейские имена. В предшествующем поколении, как свидетельствует имя их учителя — Янкерле, — были более распространенными европейские еврейские имена.

После трех лет службы в армии Джонни собирается уехать из Израиля за границу: «В США или куда-нибудь еще, а потом хочу стать юристом». Михал и Яэль будут, как и все девушки, служить только два года. С учетом того, что они являются выпускницами одной из престижных в Израиле гимназий, девушки после основательной военной подготовки скорее всего будут служить в разведке. После службы в армии Михал хотела бы заняться востоковедением, а Яэль мечтает стать переводчицей в ООН.

Иран, Ифтах и Гал намерены использовать службу в армии для подготовки к дальнейшей карьере. Иран и

Ифтах хотят стать летчиками, Гал — программистом. Не исключено, что он станет кадровым военным и останется в армии, а Ифтах уверен в своем выборе уже сейчас: он станет военным летчиком, как и его отец. То, что девушки служат на год меньше, все находят вполне нормальным. «Да, конечно же, девушки не так нужны в армии. Не так уж много чего они могут там делать», — снисходительно говорит Ифтах. А вот что говорит Яэль: «Прежде всего девушки не участвуют в боевых действиях. Да и физически мы не так сильны, как ребята. Основная задача солдат на фронте — воевать, а девушки этого не могут». Нет и мысли о том, что современные танки и самолеты управляются не при помощи бицепсов, а благодаря технике и человеческому разуму. На самом деле служба в армии для израильских девушек — сплошная тоска. Столь почитаемая проснувшимися в Европе феминистками израильская амазонка при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь письмоводителем, буфетчицей, курьером, а иногда и уборщицей. Женщина, желающая чего-то добиться в израильской армии, должна окончить соответствующие курсы в военной системе «образование-воспитание» и заниматься впоследствии со-

Ровесник 8'91

циальной и социологической работой с молодыми людьми в казармах или обучать солдат работе с компьютерной техникой. При этом оружие для женщин по-прежнему недоступно.

Именно в армии, самой иерархической части общества, и девушки, и юноши начинают понимать, что мужчины должны служить отечеству, а женщины — мужчинам. Для девушек, желающих наряду с их ровесниками и бывшими одноклассниками поставить себя в армии на службу своей стране, четко очерчены границы их возможностей. И границы эти разочаровывают их и кажутся унижительными.

«Часто восемнадцатилетние спрашивают меня, страшно ли служить на оккупированных территориях, — пишет молодой солдат в одной израильской газете. — Должен признаться, что основания для страха есть. Но кто-то должен это делать. Там мы находимся лицом к лицу с населением, которое нас ненавидит». Ифтах по этому поводу добавляет: «Тот, кто служит в израильской армии, испытывает страх независимо от того, где он проходит службу». Молодой солдат пишет далее: «Я отвечаю им: больше всего я боюсь того, каким я вернусь оттуда, что получится из меня после службы и что я в состоянии там сделать». На мгновение воцаряется тишина. Потом первой берет слово Яэль: «Да, правда, все это похоже на безумие. Вся эта ситуация! Это ужаснее, чем иметь дело с солдатом противника».

«Солдаты не должны стрелять в детей, даже если те швыряют в них камни, — говорит Иран. — Мы солдаты и должны защищать свою страну в войне, в боях, но не в сражениях с детьми, которые бросаются камнями». Будущий программист Гал замечает: «Мне кажется, что перед солдатом, если он настоящий солдат, никакой проблемы нет. Он должен выполнять приказ командира. Приказ есть приказ: что, когда и почему что-то делать. И не солдатское дело — спрашивать, почему приказ именно такой».

Яэль задумчиво говорит: «Уже были судебные процессы против солдат, которые вели себя недостойно или отличались особой жестокостью».

Гал: «Не очень-то много было таких процессов».

Яэль: «Даже если один — это уже много».

Иран: «Об остальных просто не писали».

К разговору подключаются Ифтах и Джонни: «На оккупированных территориях борются не только дети, там есть целые организованные террористические группы. Все почему-то видит одну проблему: арабский ребенок и израильский солдат. А ведь это только часть действительности».

Михал говорит: «Я думаю, что, служа в армии, неразумно противиться приказам или выступать против окку-

нации. Есть и другие виды протеста — писать открытые письма, выходить на демонстрации. Но я отрицательно отношусь к невыполнению приказов, и в конце концов нужно делать то, что велит правительство».

Услышав столь однозначный призыв к послушанию, учитель Янкерле нарушает свое обещание не вмешиваться в разговор. Он приходит в ужас от такой покорности своей ученицы, но Михал упрямо продолжает: «Закон есть закон». И она не одинока в этом своем мнении. Последние исследования мнения израильской молодежи, проведенные Иерусалимским университетом и взволновавшие общественность страны, свидетельствуют о совершенно противоречивом отношении к палестинскому вопросу. 60 процентов опрошенных — за возвращение палестинцам оккупированных земель из-за страха перед войной. Они рассматривают интифаду как национальное восстание. И при этом 79 процентов тех же самых опрошенных израильских юношей и девушек не доверяют арабам с тех пор, как началась интифада, и потому считают, что арабы должны покинуть Израиль.

Более того, большинство молодых людей готово «в интересах национального единства и обеспечения безопасности поступиться демократическими ценностями» и пойти на ограничение свободы печати. Точно так же многие находят вполне оправданным и законным ответ насилием на насилие в конфликтах еврейского и мусульманского гражданского населения. 61 процент полностью оправдывает действия израильских военных властей, закрывших палестинские университеты. Только 39 процентов придерживаются мнения, что солдат, считающий приказ командира аморальным, не должен выполнять его. Остальные, напротив, говорят: приказ есть приказ. Значительная часть молодежи считает, что политики страны должны исходить из того, что окружающий мир большей частью настроен против евреев. Такие мысли не удивительны. Это пережитое, это исторический опыт. Может быть, поэтому 54 процента готовы скорее к войне, чем к мирному будущему.

Профессор Кальман Беньямини, руководивший этими исследованиями, высказался по этому поводу так: «Мы были потрясены и напуганы этими результатами, потому что они показали нам нашу молодежь, в большинстве своем даже не обнаружившую духа противоречия, столь свойственного в этом возрасте. Она такая, какой ее сделала жизнь».

Обладает ли израильская молодежь столь же сильными патриотическими чувствами, как находящиеся на противоположной стороне их палестинские сверстники? И что вообще значит для них быть евреями? Для большинства не

очень-то многое, как свидетельствуют исследования. Внуки и правнуки приехавших когда-то в страну убежденных сионистов и преследуемых евреев ощущают себя прежде всего израильянами. Во всяком случае, до тех пор, пока они живут в Израиле. Как только они уезжают в другие страны и сталкиваются там с антисемитизмом, в них пробуждается еврейское самосознание.

Мнения «шестерки» по этому вопросу разделились. Гал и Ифтах считают себя «израильянами, потому что они патриоты». Для Джонни и Ирана оба понятия взаимосвязаны. «Иначе как же? Если бы я не был евреем, а родился здесь, разве бы я не был израильянином?» Только обе девушки однозначно говорят о себе: «Во-первых, я еврейка, во-вторых — израильянка». Их патриотизм — чувство в первую очередь национальное и уже потом израильское.

Семья Михал о «холокосте» знает только понаслышке. Семья Яэль — выходцы из Польши. Дедушка и бабушка девушки были в немецком концентрационном лагере. Они остались живы. «Бабушка часто рассказывает мне обо всем, чтобы избавиться от воспоминаний, потому что невозможно держать это в себе. А дедушка не в состоянии говорить об этом».

Дедушка и бабушка Ирана тоже приехали из Польши. Они пережили Освенцим. «Они немного рассказывают о том, что было с ними. Да и кто теперь сможет понять и прочувствовать все это? Это история. Нам это непонятно». Дедушка Джонни приехал из Германии. «Точно не помню, кажется, из Гамбурга. Он уехал еще до прихода нацистов к власти. А семья его погибла. Я его никогда не спрашивал, как ему тогда было».

«Многие погибли. Для меня это не просто история, — говорит Гал. — Это имеет отношение и ко мне лично. Все тогда хотели выжить и делали для этого все, что могли. А что они могли сделать? По сравнению с немцами и с учетом того, как быстро и организованно все происходило, у евреев было слишком мало возможностей оказать достойное сопротивление. Невозможно даже представить себе это: ты бессилен что-либо сделать. Как будто ты один на один с танком! А потом стыдно, что ты не сопротивлялся. Но все-таки люди что-то делали, и многие выжили только благодаря своим действиям. И после этого кошмара израильяне, дети и внуки погибших и замученных в немецких концлагерях, должны стать самым мирным народом на Земле!» «Зарубежная пресса, да и здешняя тоже чаще берет арабскую, а не израильскую сторону», — возмущается Иран. Яэль возражает ему: «Но ведь то, что изображено на фотографиях, то, что показывают по телевизору, — все правда! Правда!»

В центре событий на противоположной, палестинской стороне находятся одноклассники этих шестерых израильских выпускников — 16 — 18-летние ребята. «Да, мы понимаем, что они тоже хотят чего-то добиться для своего народа, своей страны, своих идеалов. Они такие же патриоты, как и мы», — размышляет вслух Иран. На этот раз с ним не согласен Гал: «Это восстание, и не нам решать, плохое оно или хорошее. Мы должны делать то, что прикажет нам наше правительство. И до тех пор, пока проблема не решена, мы должны продолжать нашу политику».

Ни у одного из шестерых нет друзей среди арабов. Иран высказывает свое мнение: «Большинство из нас не поддерживают никаких отношений с палестинцами. Мы почти никого из них не знаем. Я, например, не знаю ни одного. И вовсе не из-за моих политических взглядов. У меня просто не было возможности встретиться с ними и познакомиться. Мы — два разных общества, живущих рядом. «Меня вот что останавливает, — размышляет Гал, — я не верю арабам. Есть палестинцы, которые хотели бы жить с нами в мире, другие — нет. Кто из них — кто? Кому верить?»

«Доверяю я им или нет — какое это имеет значение? Я просто не встречаюсь с ними. Те, кого я вижу, работают на нас: ремонтируют дороги, убирают грязь, прислуживают в ресторанах. Так уж построено общество, в котором мы живем, — говорит Ифтах — единственный из этой компании, кто учился в одной школе с арабскими детьми, когда был маленьким. — Мы вместе играли, ходили друг к другу в гости, знали родителей, видели, как они работают, какой у них дом. Мне кажется, если бы так было и сейчас, если бы школы организовывали встречи с нашими палестинскими ровесниками, это могло бы решить многие проблемы».

Думать о мире для Израиля — значит как-то освобождать страну от груза минувших войн. А это дается трудно. Вот Германии прекрасно удалось восстановить страну в прежних границах. И это после начатой ею и ею же проигранной войны. Что думают по этому поводу молодые израильяне? Иран тотчас же находит нужное слово: «Сила. Ну и пусть. Меня это как-то мало интересует. Такие вещи, как «холокост», никогда не должны повториться. У нас теперь есть свое государство и очень сильная армия. Нам больше нечего бояться Германии». Яэль, больше всех остальных критически относящаяся к собственному правительству, вспыхивает: «Знаешь, что я тебе скажу: многие поговаривают о том, что то, что произошло в Германии, может повториться еще где-нибудь!»

Перевела с немецкого
С. НАВТАРАДЗЕ

Вы изволили направить свой гнев на услышанную по радио бесkitростную песенку «Дезертир», автором которой являюсь я. Вы посчитали своим долгом заявить, что эта песня оскорбляет участников всех прошлых, настоящих и будущих войн, и потребовали запретить ее трансляцию. Хотя этой песне аплодировали многие тысячи зрителей в зале «Олимпия», я, понимая, что вы не единственный, кто нашел ее вредной, — хотя таких крайне мало, — хочу объясниться. Мне кажется, что вы не всё поняли из того, что имеет отношение к этой песне.

Ради чего вы, ветеран войны, воевали? Ради мира или ради удовольствия? Если ради мира, на что я смею надеяться, то ответьте на такой вопрос: если не убить войну, пока на земле мир, то когда ее можно убить? Или, может, вам нравится воевать и вы воевали в свое удовольствие?..

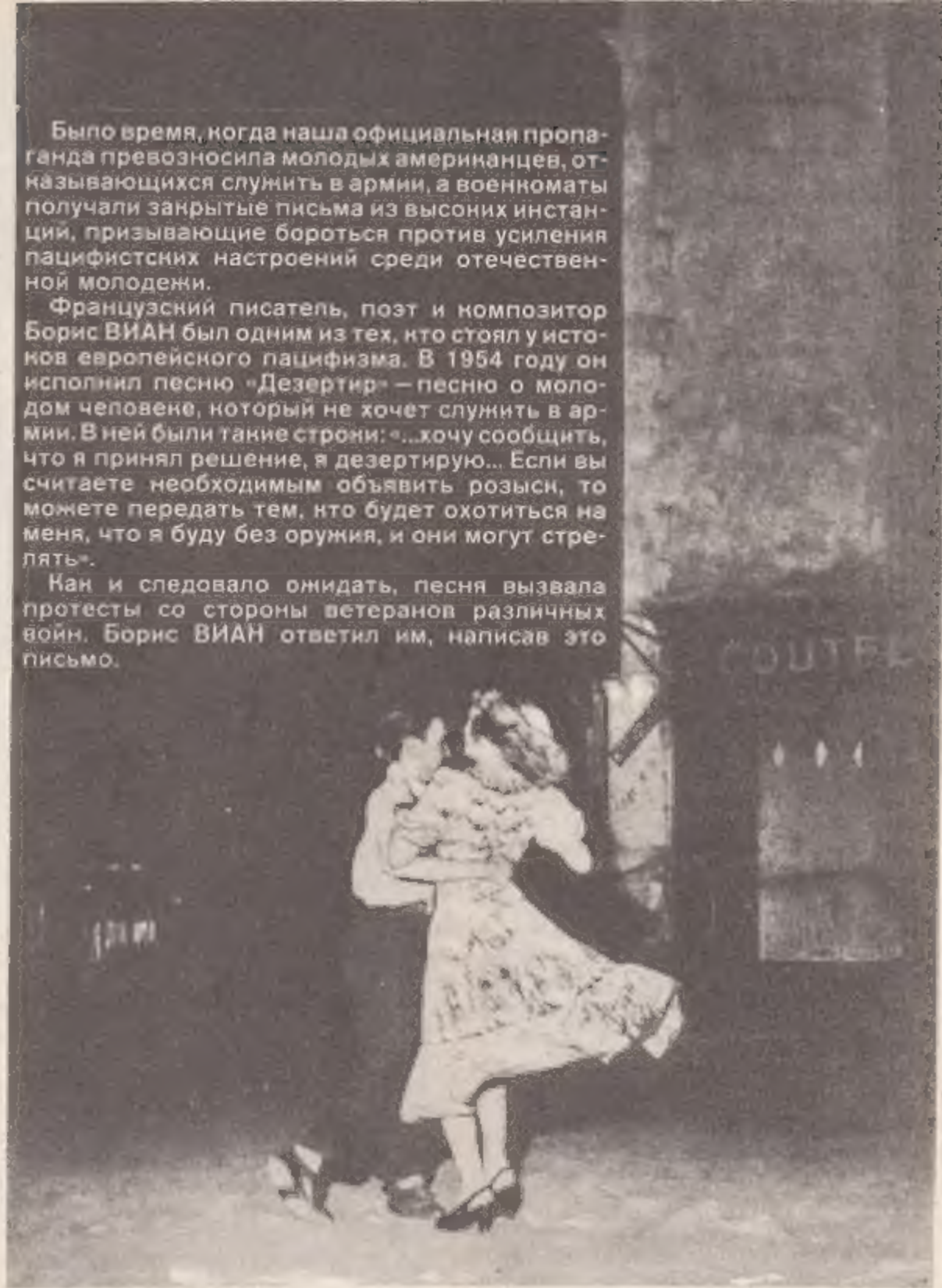
Умереть за родину, конечно, славное дело, надо еще не умереть всем — иначе что останется от родины? Родина — не земля, родина — люди. Ведь солдаты защищают не солдат, а гражданское население, солдатам не нужно ничего, лишь бы побыстрее снова стать гражданским населением, потому что это и означает конец войне...

Если уж моя песня и задевает какую-то категорию населения, то, конечно, не гражданских людей. Но разве бывшие солдаты, ветераны, все еще считают себя под ружьем? В таком случае объясните мне, кого считать «ветераном»? Человека, который с горечью вспоминает о том, как

Было время, когда наша официальная пропаганда превозносила молодых американцев, отназывающихся служить в армии, а военкоматы получали закрытые письма из высших инстанций, призывающие бороться против усиления пацифистских настроений среди отечественной молодежи.

Французский писатель, поэт и композитор Борис ВИАИ был одним из тех, кто стоял у истоков европейского пацифизма. В 1954 году он исполнил песню «Дезертир» — песню о молодом человеке, который не хочет служить в армии. В ней были такие строки: «...хочу сообщить, что я принял решение, я дезертирую... Если вы считаете необходимым объявить розыск, то можете передать тем, кто будет охотиться на меня, что я буду без оружия, и они могут стрелять».

Как и следовало ожидать, песня вызвала протесты со стороны ветеранов различных войн. Борис ВИАИ ответил им, написав это письмо.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЕТЕРАНУ

ему пришлось взяться за оружие, или того, кто только и живет воспоминаниями о военных победах?

По-моему, о войне нужно сожалеть, и у любого ветерана больше причин, чем у других людей, ненавидеть войну, а не гордиться тем, что пришлось воевать. Ветераном войны я считаю гражданского человека, счастливого быть таковым.

Нет, если моя песня может не нравиться, то уж не ветерану войны, уважаемый господин. Она может не нравиться только единственной и вполне определенной категории людей — кадровым военным.

Есть кадровые военные, которые смотрят на войну как на неизбежное зло и стараются это зло уменьшить... Они напрасно стали военными, ибо это значит, что они заранее пали ду-

хом и считают, что зло предотвратить нельзя; но эти военные — честные люди...

К несчастью, есть и другие. И если я задел именно их, я доволен. Пришел их черед. Да, уважаемый господин, вообразите, некоторые кадровые военные думают, что в войне нет другой цели, как убивать людей. Герой моей песни этого не понимает, а сражаться, не понимая за что, — поступок идиота, а не героя; герой — тот, кто идет на смерть, когда знает, что она послужит идеалам, которые он защищает.

Но чтобы что-то понимать, нужно еще, чтобы кто-то все это объяснил.

Сейчас мне тридцать четыре, и я вам говорю: если нужно защитить то, что я люблю, я хочу драться немедленно. Если же нужно погибнуть без-

душной пешкой в драке за политическую корысть, я отказываюсь и ухожу в подполье. Я не хочу стать стрелочником. Потому что стрелочники виноваты во всем.

Генерал без солдат опасен? А комиссар полиции без полицейских?

Англичане знают, что король без власти совершенно безопасен.

Но стрелочник — сила действенная. Сто стрелочников уже опасны для личности. Сто тысяч — хватит для войны. Сто миллионов — гибель человечеству.

Директор Национальной компании железных дорог не в состоянии своей властью пустить под откос поезд, он добьется этого, лишь сделавшись стрелочником или сигнальщиком, чтобы поменять сигнал семафора.

Гитлер в одиночку! Вот это зрели-

ше. Но когда за его спиной миллионы стрелочников — не до смеха. Гитлера нет, но стрелочники остались и стараются сойти за невинных, как и все стрелочники мира. Стрелочник стрелочника ненавидит, но, собравшись вместе, стрелочники называют себя народом и становятся неуязвимыми. Вновь превратить народ в людей — единственное спасение от стрелочника. Сделать всех адмиралами — и конец морским баталиям!

Вы думаете, что я одинок? Вы ошибаетесь. Вот что пишет о военных Эйнштейн: «Эта тема заставляет меня говорить о худшем из порождений вооруженных толп и военного режима, которые я ненавижу. Я глубоко презираю того, кто может с удовольствием маршировать под музыку рядами и колоннами: лишь по ошибке ему достался разум, спинного мозга хватило бы сполна. Героизм по приказу, бессмысленные походы, мерзкий национализм, как я все это ненавижу! Какой подлой и унижительной кажется мне война! Я бы предпочел, чтоб меня изрезали на куски, чем принимать участие в таком унижительном действии. Несмотря ни на что, я думаю так много хорошего о человечестве, что убежден, если бы разум народов планомерно не затуманивали бы школа, пресса, сребролюбцы от политики и бизнеса, это порождение ада исчезло бы уже давно».

Приметесь за Эйнштейна? Это опаснее, чем нападать на сочинителя песенок. Сами военные бегут заниматься у Эйнштейна рецепты, ибо признают его превосходство, возьмите хоть атомную бомбу. Эйнштейн лишил их своего благословения за то, что они были плохими учениками; и не Эйнштейн виноват в Хиросиме и отравлении Тихого океана. Военные торопились заполучить свой рецепт, но забыли способ употребления: то, что Эйнштейн написал о них, ясно говорит, что его рецепт предназначался не для них...

Я не хочу считать вас лицемером, смею надеяться, что вы действительно просто не поняли моей песни, и это письмо кое-что объяснит вам. А пока позвольте дать вам один совет: если вам надоест слушать мою песню, переключите приемник, выберите, что вам нравится. Но разрешите и людям петь и слушать то, что нравится им. Когда вы воевали, вы защищали свободу вообще или свободу думать только как вы?

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

ДИМА: «Америка? Не знаю, что рассказывать. ...Мы приехали в Америку работать. Оделся я соответственно: майка простая, брюки советские за тридцатку, к тому же испачкал их в дороге. Даже рубашки на торжественный случай с собой не взял. Потом, когда мой фермер пригласил меня в ресторан, он мне свою рубашку дал, желтого цвета».

СЕРЕЖА: «Мы-то думали, там порнография на каждом шагу, а ее еще поискать надо... Я как-то раз с женой моего фермера и ее дочерью в магазин поехал (интересно все-таки посмотреть), и по дороге мы увидели женщину, торговавшую цветами. Она стояла на обочине в купальнике-бикини. Жарко было, 35 градусов. Как они заходили и заходили! Потом весь вечер ее обсуждали. Никак не могли успокоиться. А я над ними посмеивался: «Где же ваша хваленая любовь к свободе? Вы же такие раскрепощенные».

Дима и Сережа в составе группы из девяти студентов Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева ездили в США знакомиться с опытом ведения фермерского хозяйства: жили в американских семьях, работали на фермах. На мой естественный, как мне казалось, вопрос: «Что их там удивило?» — Сережа пожал плечами, а Дима сказал: «Ничего такого неожиданного я там не увидел. Всё как предполагал. Нормально всё...»

Имелось в виду следующее: работа на земле — она везде работа. Техника? Да, те же тракторы, косилки и комбайны — всё как у нас. А компьютеры? Не было там компьютеров. Что же за люди фермеры? Обыкновенные работяги. В общем, нечем вас удивить, дорогой читатель.

К тому же Дима, как выяснилось, попал в гости даже не к фермеру, а к адвокату, живущему, правда, на ферме и в свободное от работы время занимающемуся скотоводством. Но вот зачем адвокату, представителю престижной, высокооплачиваемой профессии, во-

На снимках: Дмитрий Лебедев за работой; на снимке в центре: Сергей Черников на отдыхе с дочерью мистера Макгиннесса.

зиться с коровами?

«Марк, — так Дима называет хозяина фермы мистера Денникера, — едва мы познакомились, признался, что не любит профессию адвоката. Но его отец и дед были адвокатами, и он пошел по их стопам. У Марка пятеро детей, ему нужен солидный, надежный заработок. Он всю жизнь мечтал бросить адвокатуру и стать фермером, но так и не рискнул и теперь очень сожалеет. Я его понимаю. Фермерство — дело рискованное. Поэтому у него лишь маленькое стадо коров, которых он выращивает просто для души».

Хотя непонятно, как интеллигенту удастся содержать свое стадо в двадцать коров, каждый день (за исключением выходных) находясь в адвокатской конторе? Как он выдерживает такое напряжение?

«Да нет никакого такого напряжения! Утром Марк уезжал на работу в Балтимор, а я оставался по хозяйству на ферме. Нет, коровами не занимался. Чего ими заниматься? Здоровые коровы. Они гуляли сами по себе. Пастбища огорожены «электропастухами»: то есть вдоль поля натягиваются провода, по которым идет электрический ток. Раз-другой корова ткнется в такой провод — потом уже не подойдет. Недели полторы стадо пасется на этом поле. Съели всю траву — открыл ворота, то есть проволоку в сторону отвел, — и коровы переходят на поле со свежей травой. А пока пусть на прежнем поле трава подрастет. Так и переходят они с одного поля на другое.

КУДА МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ГОНЯЛ

В. СИМОНОВ

В общем, заняться мне было нечем, и я в основном траву косил. Техника? Да обычная, как у нас. Трактор на резиновом ходу, типа «Беларусь», и роторная косилка. Несколько полей он не использовал, и они у него сплошь заросли — сорняки с ножку стола. Никакая косилка их не берет. К тому же камней было много. То и дело косилку забивали. Два ремня полетели. Марк купил новые, мы их поставили. Но ремни все время соскакивали со шкивов, а я натягивал. Жара 35 градусов! Трактор у меня закипел. Я залил воду в радиатор, а трактор уже не заводится, все, накрылся! В общем, косил как мог.

В каждой фермерской семье обязательно есть собака. У Марка — хоть и дворняга, но очень умная. Всегда со мной косить ходила. Ей же интересно. Только перебежишь через ручей, на поле выезжаешь, а там дикий олень стоять может. Он, конечно, убежит, но оленей там много. А кроликов — вообще прорва. Только и видишь — вон уши торчат.

Часов в шесть вечера возвращался Марк, и мы, пока не стемнеет, еще ра-

ботали устанавливали «электропастухов». Потом всей семьей ужинали. Они усаживались к телевизору смотреть бейсбол. Я же в этой игре ничего не смыслил и шел спать. За день намаешься, а вставать в 6 утра.

На ферме у Марка Дима провел неделю, потом больше месяца работал на соседней ферме у брата Марка, Дэвида, тоже адвоката, содержащего стадо в сто овец. «Дэвид меня работой не перегружал, я подозреваю, что ему самому не хватало. Будил меня в полдевятого, когда уезжал в контору. Встанет под окно и кричит: «Дима, накорми овец». Я шел на кухню и сначала завтракал сам. Как правило, в доме уже никого не было. Иногда я ел эти овсяные хлопья, «Сириэлс», с молоком. Не знаю, чего они их так любят? Или брал из холодильника кефир, делал себе гамбургер — и выходил к овцам. Крикнешь: «Привет, девочки!» Они, как увидят, что я иду, разом срываются к кормушке, бегут и орут самозабвенно. Ученые специально для них разработали корм. Видно, что овечки им весьма довольны.

Потом с ними никаких забот: ходят, траву щиплют, «электропастухи» кругом. А я от нечего делать шел на ударный труд. На улице — жара. Пять минут работы — и весь мокрый. Вернешься к дому, плюхнешься в бассейн, соку попьешь — и опять за работу.

Пока Дэвид находился в конторе, я строил ему забор. Чисто в американском стиле. Поначалу Дэвид мной руководил, принялся размечать линейкой каждый столб, каждую доску. Очень он точность любит. Но я ему предложил другой способ — как у нас в деревнях принято: нижняя доска прибивается по контуру земли, потом вместо линейки берется обычная палка, обрезанная до нужного размера, приставляется к столбу и делается отметина — можно прибивать верхнюю доску. Дэвид подивился и полностью доверил строительство забора мне.

Я и ворота ему поставил. Но не в вме-

риканском стиле, а как у нас принято. У американских ворот, даже в закрытом состоянии, вся нагрузка — на петли, и ворота быстро перекашиваются. А я сделал так, чтобы в закрытом состоянии у ворот вся нагрузка приходилась на продольные перекладины. Дэвид пришел в восторг и решил переделать другие ворота в том же духе.

В субботу или воскресенье мы с Дэвидом могли весь день, например, лечить овцам копыта. Они часто трескаются, гноятся, и их обязательно следует подрезать. Подрезал Дэвид, он же накладывал кровоостанавливающую присыпку на больные места. Кровь, конечно, лилась рекой. В мою же задачу входило поймать овцу, перевернуть ее, да еще держать в определенном положении. А овца тяжелая, в ней веса как во мне, если не больше. Шерсть — жирная, скользкая, пахнет соответственно. Мы вдвоем еле-еле справлялись. Но мой знакомый работник на соседней ферме делает эту работу один. И овец там в три раза больше. А если племенной баран — он же в два раза больше овцы!»

Любовь американцев к труду? Дима сразу откликается: «Очень поразила любовь американцев к труду... — и, помолчав, огорошил: — Но, честно говоря, я думал, фермеры работают куда больше. А они нам удивлялись. Один фермер даже сказал про одного из наших ребят: «Мне из Советского Союза прислали парня, который работает как сумасшедший». Я сам слышал. Мы ведь как привыкли? Брать авралом. И если судить по авральным меркам, американцы вроде бы и не вкалывают, а так: ходят туда-сюда, еле телятся. Работают постепенно, спокойно-спокойно, без суеты, как муравьи, с утра до вечера. Механизм сельского хозяйства в Америке налажен, и фермеру не нужно суетиться и изобретать велосипед. Достаточно в нормальном ритме выполнять одну операцию за другой».

А если ты новичок и не знаешь, с чего начать? «Пожалуйста, можешь получить любую консультацию. Дэвид две недели ездил на курсы по стрижке овец. Зачем нанимать рабочего, когда и сам можешь подстричь? В первый раз он попробовал — вся овца была в крови и подстрижена кое-как. Зато потом пошло лучше».

Там всяких курсов — выше крыши, и вот, проучившись 4 года в сельхозакадемии, что я подумал: главное — не иметь знания, а иметь возможность тут же их применить.

Я вот сам даже ветеринаром побывал. Марк на аукционе купил четырех коров и четырех бычков. А на аукционе никогда не узнаешь, больны ли коровы или нет. Поэтому в Америке заведено так: купленных коров помещают на отдельное пастбище — на всякий случай, чтобы больные не заразили остальных. Один теленок у нас заболел. Сначала пытались вылечить сами. Марк со своей фермы привез медикаменты, и они с Дэвидом сделали укол, влили в горло больному какой-то розовый раствор. Но ничего не помогало. Теленок лежит — не

шелохнется, иногда мычит жутко.

Вызвали ветеринара. А тот приехал, когда я дома один был. Он осмотрел теленка, дал мне медикаменты и стал говорить, что как делать. Тогда я ему объяснил: поскольку я человек из Советского Союза, то всего, что он мне говорит, я все равно понять не смогу. Пусть лучше он запишет свои рекомендации на бумаге, а я передам ее хозяину. Тот так и сделал. Но лечить теленка пришлось мне.

Вообще, с бычками трудно. Корову, ладно, привязал покрепче, сзади подошел, она не лягнет — и, пожалуйста, сделал укол. А бычок вырывается, прыгает, лягается. Я хоть и крепкий парень, но с тем бычком намаялся. Бычок, правда, выздоровел».

Сережа в отличие от Димы жил в семье потомственного фермера. У мистера Макгиннесса 600 гектаров своей земли, еще 300 арендует. В его собственности несколько десятков тракторов, комбайнов, грузовиков, сеялки, косилки, опрыскиватели, хранилища, элеваторы. Он занимается скотоводством, выращивает пшеницу, ячмень, сою, кукурузу. И помогает ему всего один наемный работник.

«В моих рабочих руках он, как выяснилось, не нуждался. Взял меня к себе на ферму из природного любопытства, все время задавал вопросы: в какой квартире я живу, кто мои родители, сколько денег получают, что на них можно купить, какие экзамены в академии?»

День у нас начинался с объезда пастбищ. Они у него тоже огорожены «электропастухами». Забавно, как мы все делали, не выходя из машины. Перегоняли стадо с одного поля на другое. Стадо бежит впереди, а мы сзади напирал. Склоны на холмах крутые. Сначала я испугался, что машина перевернется, иногда нам приходилось взбираться на холм под углом в 40 градусов. Но машина у мистера Макгиннесса мощная, привод на четыре колеса.

В этот период лета самые распространенные заболевания у коров — глазные. Жара, много мух, они разносят инфекцию. Мы объезжали стада, заболевших коров тут же отделяли от остальных, перегоняли на карантинное пастбище, и мистер Макгиннесс делал им уколы.

В один из дней мистер Макгиннесс опрыскивал посевы сои. Сам сделал химическую смесь, залил ее в баки распылителя и сел за руль трактора. Меня же с собой не взял, сказал, что работа слишком вредная. Я занимался заготовкой кормов на зиму. Косил люцерну и клевер. Специальное приспособление на тракторе закатывало скошенную траву в тюки, потом на тележке-прицепе я отвозил их в хранилище, вернее — сначала клал на транспортер и, изменяя угол подъема, старался как можно равномернее заполнить помещение. Но все равно приходилось ворочать тюки, укладывать так, чтобы они лежали ровно. От ручного труда на ферме никуда не деться.

Какой-то особенной техники не было — все то же, что и у нас. Никакой электрони-

ки — это дорого, невыгодно. Мистер Макгиннесс и так, без электроники, справляется.

Трактора у него в основном старые. Новых всего два. Новая техника стоит больших денег. Но к машинам мистер Макгиннесс относится очень бережно: первым делом, с утра, проверка готовности техники к работе. Обязательная смазка. Если машина работает каждый день — значит он будет смазывать ее каждый день. Ремонтирует все сам. У него есть трактор 36-го года выпуска — и отлично работают.

Урожай пшеницы убирали при мне. Мистер Макгиннесс опять же сам садился за руль комбайна, сам загружал зерно в элеватор, способный принять два урожая, сам вез зерно на продажу. Но продавал зерно прошлогоднего урожая. Он дождался момента, когда цены на зерно поднялись до самого высокого уровня, прошлогодний урожай все фермеры уже распродали, а новый еще не собрали. Мистер Макгиннесс обзванивал закупочные фирмы и вез зерно туда, где платили больше. У него имеется зерновой трейлер. Раз восемь мы возили в нем пшеницу в близлежащие горры.

Так же он поступает и с урожаем кукурузы. Делает запасы, а продает, когда ему это наиболее выгодно.

У него все просчитано: разные культуры имеют разные периоды созревания, то есть он постепенно убирает один урожай за другим. У него не бывает штурмовщины. Работает спокойно, никуда не торопится. Кроме того, если для какой-то одной культуры выдаться неурожайный год, он не понесет больших убытков, получит прибыль с других участков.

Для Димы и Сережи ничего сверхъестественного в системе фермерского хозяйства нет. Ее механика им понятна. Достаточно хорошо отлаженная машина — вот и работает.

ДИМА: «Сереж, расскажи, как мы на выставку ездили».

СЕРЕЖА: «На сельскохозяйственную выставку в Пенсильванию мы интересно съездили. Нас взял с собой мистер Макгиннесс. Прихватили видеокамеру — снимать. Мы с Димой юморной фильм решили сделать. Там была экспозиция древнего инвентаря: деревянные плуги, допотопные косилки. Снимаем на пленку и говорим в микрофон: «Благодаря вот такому современному оборудованию Америка достигла таких успехов в сельском хозяйстве».

ДИМА: «А корова!»

СЕРЕЖА: «И еще там была огромная надувная корова под три метра высотой. А мы говорим: «Вот обычная корова, какие гуляют на здешних полях».

ДИМА: «А про то, как мы тебя сняли в ковбойском наряде!»

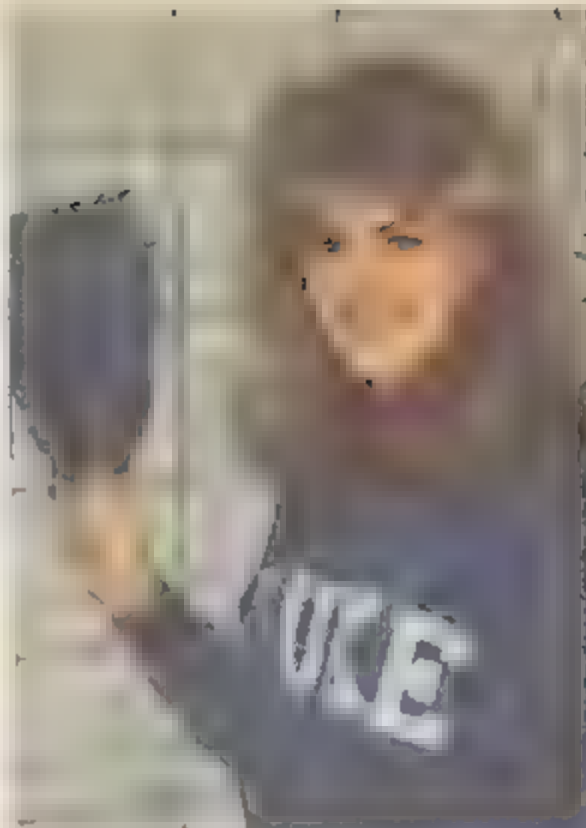
СЕРЕЖА: «Ну, я для смеха надел ковбойскую шляпу, ремень с кобурой, в одну руку взял винчестер, а в другую хлыст...»

ДИМА: «А я его стал видеокамерой снимать. «Вот так, — говорю, — фермер начинает свой рабочий день». А Сережин фермер — он такой шутник — говорит: «Сейчас Сережа пойдет на плантацию, на которой работают советские эмигранты».

В

начале 80-х годов привыкшие ко всякого рода рекламе американцы были удивлены развернувшейся в стране кампанией по рекламе университетов. А все объяснялось просто. Именно в эти годы американские дети, родившиеся во время спада рождаемости, достигли 18 лет, и университеты, опасаясь, что количество студентов может резко уменьшиться и стремясь обеспечить полные аудитории, решили воспользоваться испытанным средством. В ответ хлынул поток желающих поступить, многие заполняли анкеты одновременно восьми и более университетов. Причем около ста самых известных из них ощутили этот натиск сильнее всего. «Впечатление такое, что 75 процентов ребят хотят поступить в 25 процентов университетов», — так прокомменти-

Ровесник 8'91

ство дорог в Грецию, а другой — на Гавайи дрессировать дельфинов

И все же консультанты — еще не полная гарантия поступления. Среди них встречаются и шарлатаны, спекулирующие на доверии родителей. Да и вообще приемные комиссии не любят телефонных звонков от консультантов, а подписанные ими письменные рекомендации особым доверием не пользуются и большого веса не имеют.

Растущая зависимость абитуриентов от посторонних людей все больше беспокоит родителей и преподавателей. «Раньше в университет поступали выпускники школ, а теперь репетиторы и независимые консультанты», — сожалеет преподаватель из города Уэстона в штате Массачусетс. Даже самая самостоя-

В УНИВЕРСИТЕТ ХОЧЕТСЯ

ровал ситуацию сотрудник приемного отделения одного из наиболее престижных университетов

Американцы, как известно, народ практичный. Видимо, исходя из принципа «больше вложишь — больше получишь», родители и сами абитуриенты полагают, что отдача будет больше от учебы в каком-нибудь престижном, а значит, и дорогом университете. Вот и началась конкуренция в основном среди составляющих большинство белых американцев, выходцев из средних слоев. Одновременно повысились требования, предъявляемые к знаниям, необходимым для поступления. Нетрадиционная для США проблема решается поступающими нетрадиционными способами и методами.

Все больше молодых людей обращаются к помощи разнообразных курсов и консультантов. Оплата частных курсов, сулящих повышение на 100 единиц суммы баллов по тесту, от которого многое зависит при поступлении, доходит до 800 долларов. Популярными стали и летние подготовительные курсы при университетах. За вступительную анкету на курсах полагается взнос от 25 до 40 долларов. Поездка в университет для знакомства и собеседования тоже стоит немалых денег. Все эти расходы могут сложиться в кругленькую сумму еще до того, как придется платить за обучение.

Чтобы свести риск к минимуму, некоторые родители нанимают независимых консультантов. За плату, иногда превышающую 2 тысячи долларов, эти эксперты помогают родителям подсчитать предстоящие расходы, оценивают возможности студента, составляют список рекомендуемых университетов, проводят тренировочные тесты и собеседования и следят за тем, чтобы все необходимые документы были правильно оформлены и отправ-

лены вовремя

Необходимость в таких частных консультантах вполне понятна: школы не в состоянии уделить должного внимания своим выпускникам в столь сложный и ответственный момент. Как правило, три сотни выпускников прикреплены к одному учителю для консультаций по продолжению образования, и у того просто не хватает времени для индивидуальных занятий с каждым. Этот-то пробел и восполняют частные платные консультанты. Обычно они знакомятся со своими подопечными незадолго перед окончанием школы. Некоторые же для пущей уверенности предпочитают иметь два-три года, чтобы за это время должным образом подготовить и «сформировать» абитуриента, а еще для того, чтобы заинтересовать университет каким-нибудь необычным фактом биографии поступающего. Один школьник из штата Иллинойс по совету консультанта отправится во время летних каникул на строитель-

тельная часть борьбы за поступление в вуз — сочинение — в руках профессионалов легко поддается обработке. Один абитуриент собирался написать о велосипедном походе по стране, но его консультант счел эту тему скучной и традиционной. По его совету юноша написал о своем хобби — жонглировании. Позднее он признался: «Он не писал за меня сочинение, а просто подсказал мне идею и... правильные слова».

Разумеется, трудно провести грань между помощью поступающему и работой за него или вместо него. Некоторые специалисты в области образования и воспитания опасаются, что молодые люди, привыкнув к тому, что их личность подстраивается, «подгоняется» к требованиям университета, растеряют свою индивидуальность.

Директор приемной комиссии университета Колгейт в штате Нью-Йорк считает, что чрезмерная опека перед поступлением в вуз лишает ребят возможности самим сделать важнейший в их жизни выбор и надолго отбивает вкус к принятию самостоятельных решений.

Сотрудники приемных комиссий уверяют, что все ухищрения и маневры поступающих производят на них не очень-то сильное впечатление, хотя и не отрицают того, что они забавляют их, особенно если отличаются изобретательностью и носят, как говорится, творческий характер.

Так, например, в 1987 году один молодой человек, пытаясь опередить соперников при поступлении в колледж Скот Харт в Плезантвилле (штат Нью-Йорк), послал в приемную комиссию альбом со своими рисунками, смешно и остроумно иллюстрировавшими его жизнь и учебу в школе. Он поступил.

Председатель одной приемной комиссии получает в подарок от абитуриента два гигантские плитки шоколада, причем с табличками с надписями:

лад — вовсе не гарантия поступления сказал получатель подарка, — но он выделил юношу из общей массы. Я его запомню». Так что и откровенная лесть, и прямое угодничество все-таки могут иметь положительный эффект.

Ричард Стил, проработавший 25 лет председателем приемной комиссии университета Дьюка в штате Северная Каролина, полагал, что на своем веку повидал всяких абитуриентов: восторженных, плачущих, заумных, готовых на все, чтобы только попасть в избранный ими университет. Но в прошлом году его сотрудники наткнулись на довольно оригинальную молодую особу. В конце собеседования абитуриентка по имени Джениффер Тангора спросила, что могло бы повысить ее шансы. Сотрудница университета, просмотрев документы девушки, свидетельствовавшие о ее всевозможных успехах и достоинствах, улыбаясь, ответила. «Единственное, чего вы, кажется, еще не сделали, — так это не выкрасили в синий цвет Дьюка (она имела в виду традиционный цвет университета) вашу комнату». Вскоре в университет по почте пришла фотография: улыбающаяся Джениффер с кистью в руках красит в лазурный цвет стены своей комнаты. Стоит ли говорить, что мисс Тангора учится сейчас в университете Дьюка?

«Штучки» такого рода были не нужны и немыслимы еще десять лет назад. Теперь же они наряду с повышенной нервозностью и обкусанными ногтями стали приметой вступительного сезона, продолжающегося с декабря по апрель. Чего только не получают члены приемных комиссий: самодельный бумеранг с гордым названием университета, популярную игру «Монополия» (в которой собственность продается и покупается за игрушечные деньги), где все названия зданий и улиц были изменены на названия всевозможных строений, находящихся на территории университета. В Станфордский университет один поступающий прислал писанный маслом групповой портрет сотрудников приемной комиссии, а другой — спасательный круг с призывом: «Да не утонет имя мое в море абитуриентов!» Присылают пироги и торты, воздушные шары и всякого рода безделушки «со значением». Иные «деловые» и активные даже разбивают палатки перед окнами приемной комиссии.

По мере того, как усиливается ажиотаж, а цена поступления растет, возникает вопрос: не становится ли поступление в университет делом, зависящим больше от упаковки, чем от содержания, как это уже произошло со многими аспектами американской жизни? Весь процесс чем-то напоминает суматоху перед президентскими выборами. Большинство абитуриентов считают, что главное не это. «Ты — составная часть общей системы, — говорит уставший от жизни старшеклассник, — так что приходится играть по правилам». Сказано неплохо.

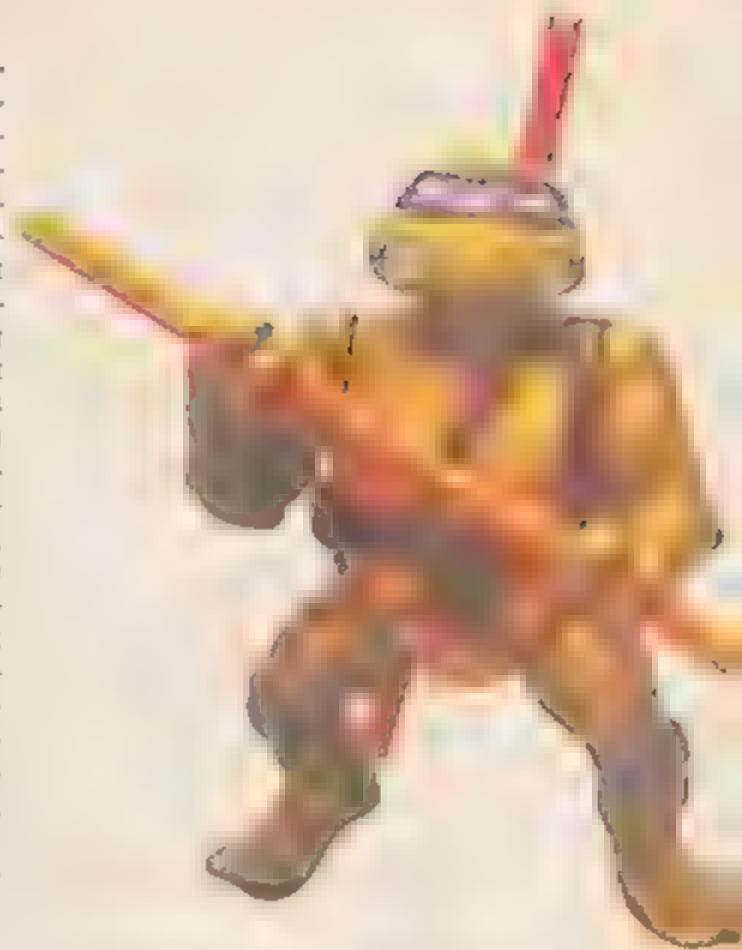
По материалам зарубежной прессы
подготовила Е. ПЕСЧАНСКАЯ

Все началось так, как обычно начинаются великие дела — со случайности. Как-то вечером осенью 1983 года, сидя в своей нью-йоркской мастерской перед телевизором — показывали скучный японский фильм, — 28-летний художник, пытающийся зарабатывать рисованием комиксов, Кейвин Истман нарисовал несуразнейшее существо: черепаху в маске, вооруженную самурайскими мечами и нунчаками. Черепаха по-каратистски ловко разила пяткой воображаемого врага. Приятель Кейвина, тоже художник, Питер Лайрд тут же нарисовал еще троих черепашек-самураев и в духе всей этой несуразницы окрестил их Рафаэль, Микеланджело, Леонардо и Донателло. Мгновенно родился и сюжет комикса: маленький мальчик, купив в зоомагазине четырех черепашек, роняет банку на улице, и черепашки оказываются в водосточной канаве. Попав в радиоактивную воду, они мутируют и превращаются в гуманоидов. Бродя по подземельям Нью-Йорка, черепахи-мутанты встречают мутировавшую крысу старого японского ниндзя, и та обучает их искусству побеждать врагов. Вместе с крысой-ниндзя черепахи объявляют войну силам зла, которые, как всем известно, давно уже заправляют на улицах Нью-Йорка.

«Мы нарисовали несколько книжек черно-белых комиксов про наших черепах и отпечатали их мизерным тиражом, — рассказывал Истман. — Сами персонажи и история про них показались нам настолько неподходящими для того, чтобы предлагать их какому-нибудь издательству, что мы создали свою фирму, пессимистично назвав ее «Мираж».

Когда через три года в мастерской Истмана появился некто Марк Фридман, молодой человек, предложивший художникам помочь им заключить контракт с фирмами, выпускающими игрушки, на использование — возможно, когда-нибудь, в будущем, — их персонажей, те уже собирались распрощаться со своим «Миражом». Поэтому «сделка десятилетия», как ее теперь называют, и была заключена мгновенно — за чашкой кофе в забегаловке на углу. По договору, который художники подписали с Марком Фридманом, признавшимся, что для него это первый опыт, художники предоставляли ему исключительное право заключать любые сделки о продаже прав на использование их типажей, за что получали две трети доходов. Посреднику же полагалась всего треть. Но эта треть, поскольку размер ее теперь зависел только от активности самого Фридмана, и решила судьбу «Черепах ниндзя».

Первым делом Марк Фридман на-

шел молодого и динамичного гонконгца, владельца фирмы игрушек, обещавшего взяться за производство пластиковых черепашек, как только будет развернута рекламная кампания. На рекламу у его фирмы денег не было. Впрочем, даже если бы и были, их бы все равно не хватило на то, чтобы провести ее с тем размахом, какой, как считал Марк Фридман, может обеспечить успех. Единственное, что мог молодой предприниматель, — финансировать продолжение работы художников над комиксами. Собственно, большего от него не требовалось. Потому что следующим этапом в плане Фридмана было заинтересовать комиксами более крупные фирмы.

Мировой лидер в индустрии игрушек фирма «Хасбро-Брэдли» посчитала черепашек «странноватыми» и отказалась вкладывать в них деньги. Зато директор японской компании «Бандай», которому как-то попались на глаза комиксы, сам нашел Фридмана и направил его к руководителю европейского отделения «Бандай» Бернару Пратту. О лучшем союзнике Марк Фридман не мог и мечтать. В свое время Пратт буквально из ничего создал в Европе процветающий филиал «Бандай» только потому, что раньше других понял, что рынок игрушек и мультипликация связаны напрямую. В тот же день, как Пратт получил от Фридмана типажи черепашек, к делу был подключен независимый продюсер Бруно Хьюз, выпустивший несколько лет назад вместе с Праттом на европейский экран героев комикса «Голдорак». За достаточно высокий процент с дохода от продажи игрушек Хьюз согласился начать работу над сериалом, к которой, чтобы ускорить ее, подклю-

«ЧЕРЕПАХИ НИНДЗЯ» НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

«Не больше одной черепахи в руки!» — такими экзотическими объявлениями ошарашивают покупателей магазины игрушек Великобритании и Франции. Хотя специалисты по маркетингу предупреждали: ждите и в Европе «черепахового сумасшествия». В Штатах после того, как на экраны телевизоров вышли первые части 80-серийного мультфильма «Черепахи ниндзя», игрушечные рептилии, в заодно и все, что было отмечено символикой мультсериала, сметались с прилавков со скоростью, с какой «убирают» товары еще только в странах с плановой экономикой. Впрочем, если бы не свободная, или, как еще ее называют рыночная, экономика, «Черепахи ниндзя» вряд ли бы увидели свет.

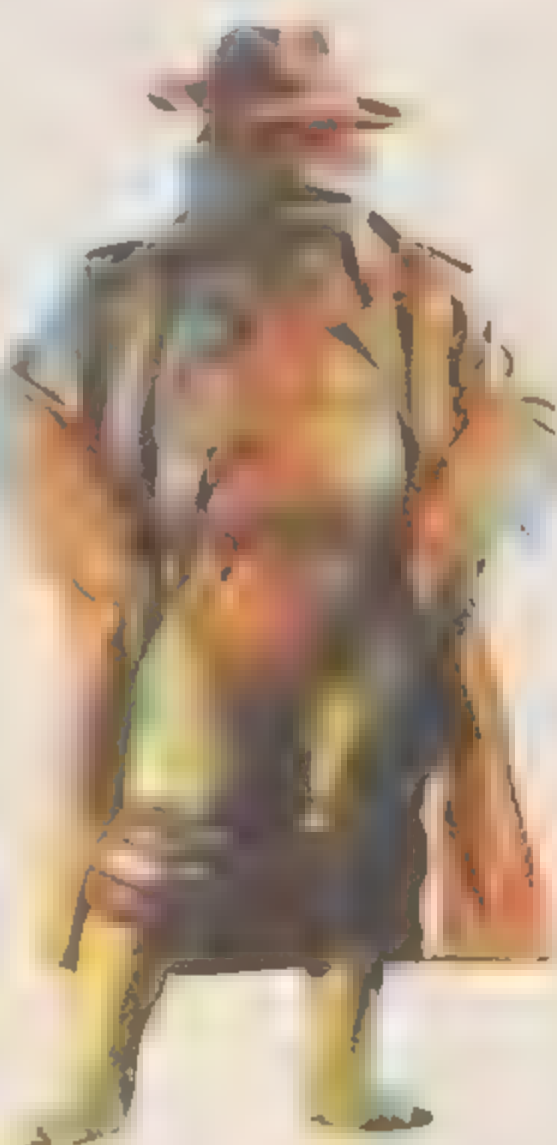
Винсен БОФИС,
французский журналист

чил американцев — писать диалоги, корейцев — они делали мультипликацию, и французов для разработки декораций. 60 серий мультфильма удалось сделать за полтора года.

Теперь все зависело от телевидения. Как убедить телекомпанию поставить в программу черепах? В США — никаких проблем: плати и считай, что сериал уже на экране. Но в Европе, где большая часть телестудий принадлежит государству, все значительно сложнее. Во Франции, например, руководитель канала «ФР-3» признался: «Я долго колебался, хотя был уверен, что мультфильм понравится нашим детям. Но мрачный мир, в котором разворачивается действие, делает сериал «не нашим». Репутация нашего канала давно устоялась, и мне не хотелось «взрывать» ее».

Единственный способ — привлечь на свою сторону авторитет британской Би-би-си, убедив англичан в числе десяти мультсериалов, которые они ежегодно отбирают из 200 предлагаемых, выбрать и «Черепах».

На Би-би-си сочли «Черепах» «занятыми», но решили, что название, в котором упоминается воинственный «ниндзя» и страшное японское оружие, которым пользуются герои, делают сериал

слишком жестоким для английских детишек.

Прекрасно! Хьюз тут же убрал из тигров «ниндзя», а из пленки вырезал все сцены с драками на нунчаках и самурайских мечях. Би-би-си начало показ «Черепах-героев». А через два месяца и французы запустили сериал — и даже без купюр: надо же иметь и собственное мнение!

Англия быстро оказалась во власти черепахомании. Би-би-си фиксирует рекордное за последние десять лет количество телезрителей у экрана во время показа «Черепах», а «Бандай» не успевает завозить в свои магазины игрушки. Газеты публикуют сообщения о том, что какой-то султан из Брунея выложил полмиллиона долларов за то, что один из залов в его доме переоборудуют ко дню рождения дочери в нью-йоркскую клоаку, штаб-квартиру черепах, а леди Диана устраивает для детишек прием, на котором подают официанты, одетые под черепах. Майки, этикетки, коробки, бутылки — все с изображениями черепах! «Никогда еще наша отрасль не знала такого феноменального успеха», — заявил директор компании по авторским правам, купивший у Марка Фридмана часть прав — только часть, и только для Европы — на распространение изображений черепах. Два миллиарда франков — таков приблизительный доход от четырех черепахек, изображаемых на майках. Столько же — за игрушки, поскольку одна черепаха стоит во Франции 60 франков, а полный набор героев сериала — 600.

Не жалуется и продюсер Бруно Хьюз. Вложив 7 миллионов долларов в производство мультфильма, он получил 16 миллионов. Но это мелочь по сравнению с тем, какую прибыль получит гонконгская киностудия «Голден Харвест», специализировавшаяся на фильмах с участием Брюса Ли, приобретшая у Марка Фридмана за 2 миллиона долларов права на съемку художественных фильмов про черепах ниндзя. По самым скромным подсчетам, она получит в 70 раз больше.

Удивительно, но во всем этом щедром распределении миллионов те, с кого все, собственно, началось, художники, — похоже, не самые балуемые люди. Кейвин Йетман и его коллега за прошлый год получили по 7 миллионов долларов. Это много и одновременно мало. Много, если учесть, что практически никакого участия, кроме выпуска первых комиксов, в полной приключений судьбе собственных героев они не принимали. Мало, если вспомнить, каким гениальным был тот первый набросок черепахи, по одному виду которой можно было сразу сказать, что любая затея с таким героем скорее всего закончилась бы неудачей. Если бы к ней не подключились те, кто знает, что ничего безнадежного, если здраво рассудить, не бывает.

Перевел с французского
С. ВИКТОРОВ

QUEENSRÛCHE

MACALPINE (может писаться MACALPINE) **TONY** То́ни Макалпин. Родился 29 августа 1960 года в США. Гитарист, пианист, композитор, аранжировщик. Т. М. начал осваивать фортепиано в пятилетнем возрасте — в 1977 г. он поступил в музыкальный колледж в Блумфилде, по окончании которого, в 1980 г., организовал первую группу (она почти сразу же распалась), много работал в качестве сессионщика.

Обосновавшись в Сан-Франциско, Т. М. присоединился к группе «Lonestar» и затем с помощью «открывателя талантов» Манна Уорри подпisał контракт с фирмой Shrapnel Records. Дебютный альб. Т. М. «На грани безумия» (1988) оправдал прогнозы специалистов: на сцене инструментального хард-рока появился новый гитарист, мастерство владения инструментом которого и смуглый цвет кожи дали основания для сравнения его с легендарным Джими Хендриком — неизменный и самый надежный эталон, по которому «выверяют» всех гитаристов, претендующих на то, чтобы перед именем стояла приставка «супер». В подготовке альб. Т. М. помогали Билли Шихэн, бас (экс-«Telas» и «UFO») и Стив Смит, уд. (экс-«Journey»).

Для записи второго диска Т. М. пригласил Джорджа Линча (в то время входившего в состав «Dokken»), Джеффа Уотсона («Night Ranger») и Дина Настронову («Wild Dogs»). Одновременно Т. М. организовал разовый проект «MARS» (McAlpine, Aldridge, Rock, Sarzo) — в 1987 г. группа выпустила альб. «Project Driver», вызвавший массу восторженных рецензий в муз. прессе (сольная работа гитариста удостоилась гораздо более скромной реакции).

Последний альб. Т. М. выдержан в характерной для него «лирико-агрессивной» манере, а вокальные партии в нескольких вещах исполняет Алан Сихорн. Можно сказать, что на сегодняшний день Т. М. входит в плеяду наиболее виртуозных и интересных гитаристов хард-рока и на иерархической лестнице он занимает ту же ступеньку, что и Инги Мальмстин (хотя последнее утверждение ни в коем случае не претендует на категоричность).

Пл.: Edge Of Insanity, 1986, Maximum Security, 1987, Eyes Of The World, 1990

(с группой «MARS»): Project Driver, 1987

MCCARTNEY, PAUL Пол Маккартни (полное имя Джеймс Пол Маккартни). Родился 18 июня 1942 г. в Ливерпуле, Великобритания. Мультиинструменталист, вокалист, композитор, продюсер, мелодический гений.

Любой нормальный человек знает, кто такой Пол Маккартни. Поэтому мы лишь бегло пройдем по самым значительным этапам «большого пути».

В июне 1956 г. П. М. познакомился с Джоном Ленноном — тем самым была заложена основа будущего триумфа «Beatles». Мелодический талант П. М. раскрылся уже в самых первых композициях группы, и к 1965 г. в мире насчитывалось более 2000 вариантов исполнения песен Леннона — Маккартни (в настоящее время существует около 300 версий «Yesterday»).

В 1963 г. П. М. встретил Джейн Эшер, которой посвящено подавляющее большинство его лирических песен того периода. Их свадьба должна была состояться на Рождество 1968 г., однако вскоре он познакомился с американкой Линдой Истмен, которая 12 марта 1969 г. и стала его женой.

Первый сольный альб. П. М. (музыкант сам играл на всех инструментах, а пл. микшировалась методом наложения), записанный в конце 1969 г., вышел в апреле 1970 г., за две недели до появления на прилавках последнего студийного диска «Beatles». Работы П. М. производила впечатление некоторой незавершенности, однако композиция «Maybe I'm Amazed» стала международным хитом, отчасти определившим типичный «маккартниевский» стандарт 70-х. Следующий диск «Ram» (1971), созданный в соавторстве с Линдой, не имел практически ни одного «провала» (успех этого альб. «адохновил» Дж. Леннона на песню «How Do You Sleep?»), а композиция «Uncle Albert/Admiral Halsey» стала в США первой.

В конце 1971 г. П. М. сформировал группу «Wings» («Нрылья»), в состав которой, помимо П. М. (вок., бас) и Линды (клав., вои.), вошли Денни Лейн (экс-«Moody Blues»), гит., вои. и амер. сессионщик Денни Сейуэлл, уд. Первый альб., записанный с новой группой («Wild Life»), оказался не очень удачным. В дальнейшем состав «Wings» неоднократно менялся, в разное время в группу входили гитаристы Генри Манкеллох, Джими Манкеллох (он умер 27 сентября 1979 г.), Лоуренс Динабер, барабанщики Джефф Бриттон, Джо Инглиш и Стив Холли. Лучшим альб. «Wings» специалисты единодушно признают «Band On The Run» (1974).

В 1977 г. П. М. записывает инструментальную версию альб. «Ram» (под псевдонимом Перси Триллингтон) и продюсирует

сольный диск Д. Лейна. Концертный вариант песни «Maybe I'm Amazed» в том же году занимает 10-е место в амер. хит-параде. Затем П. М. записывает композицию «Mull Of Kintyre» — сингл с этой вещью (с обратной стороны — «Girl School») впервые в истории грамзаписи Великобритании расходится тиражом более 2 миллионов (1-е место в Великобритании, 33-е — в США). В конце 1977 г. под псевдонимом «Susie And The Red Stripes» группа выпустила сингл «Seaside Woman».

Начало гастролей в Японии (1980) ознаменовалось арестом П. М.: местные власти предъявили ему обвинение в хранении и транспортировке наркотиков. Освобожденный под залог П. М. все же провел японские гастролы, «Wings» затем выступали на родине; П. М. также организовал благотворительный концерт в поддержку народа Нампучии и выпустил альб. «McCartney II» — первый, после дебютного, записанный в одиночку.

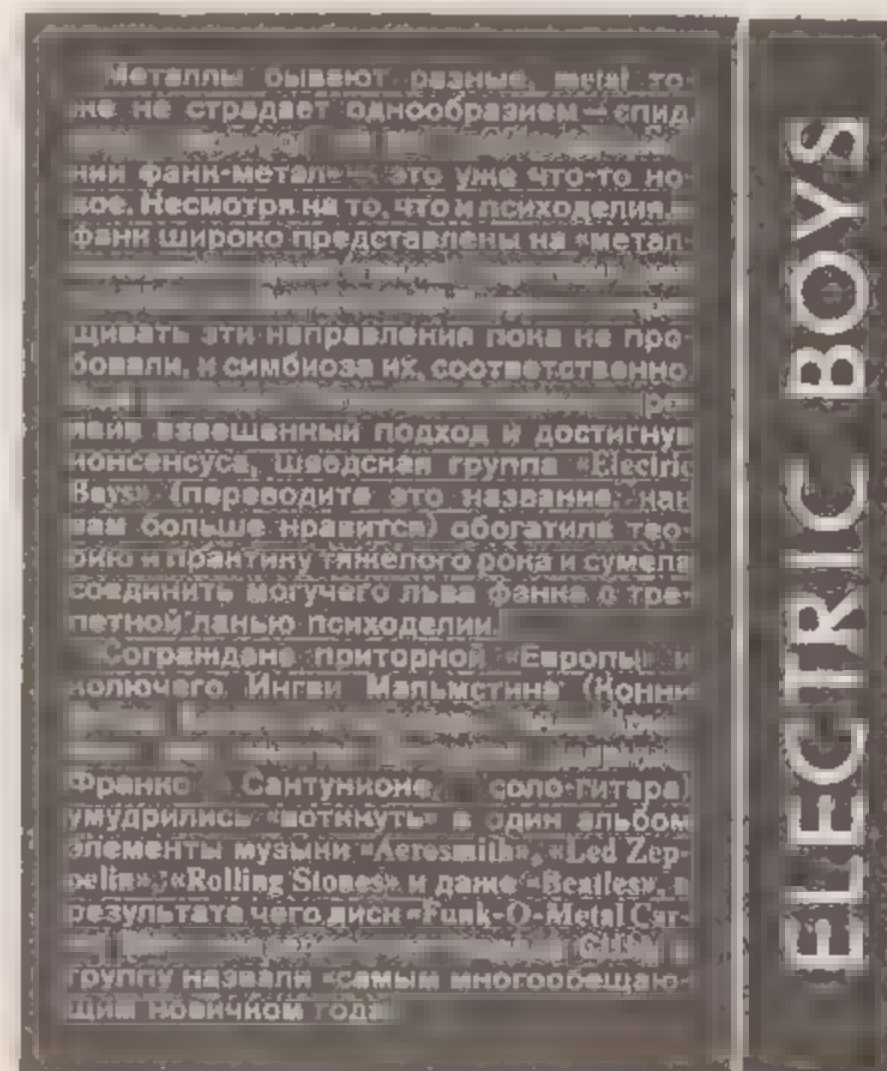
В апреле 1981 г. П. М. получил несколько анонимных писем, в которых ему угрожали смертью, а поскольку судьба Дж. Леннона давала основания отнестись к этому серьезно, музыкант отказался от гастрольных поездок, что, в свою очередь, привело к распаду «Wings».

П. М. возобновил сольную работу и записал очень удачный альб. «Tug Of War» (ему помогали Д. Лейн, Ринго Старр и Джордж Мартин) — композиция «Ebony And Ivory» (со Стивом Уандером) вышла в амер. и англ. хит-парадах на первое место. В это же время П. М. приобрел авторские права на подавляющее большинство вещей Бадди Холли.

Вторая половина 80-х проходила под знаком экспериментов с элементами «новой волны» и джазом, что, однако, не мешало музыканту создать ряд композиций, выдержанных в прежнем, «маккартниевском» ключе, хотя следует заметить, что сейчас подобные жемчужины стапи скорее исключением, так как П. М. решил самоутвердиться и как аранжировщик. К сожалению, последние работы П. М. отмечены печатью откровенно коммерческого подхода, и многие англ. поклонники творчества П. М. уже воспринимают его исключительно как музицирующего мультимиллионера.

Хит-синглы (выборочно, первая цифра в скобках после года означает место в амер. хит-параде, вторая — в

РЭР вне очереди

англ.). Соло: Another Day, 1971 (5, 2); Unc в Albert/Admiral Halsey, 1971 (1, -), Wonderful Christmastime, 1979 (-, 6), Coming Up, 1980 (1, 2), Ebony And Ivory, 1982 (со Стивом Уандером; 1; 1); The Girls Mine, 1982 (с Майклом Дженсоном; 2; 8); Say Say Say, 1983 (с Майклом Дженсоном; 1; 2); Pipes Of Peace, 1983 (-; 1); No More Lonely Nights, 1984 (6; 2); We All Stand Together, 1984 (-; 3); Spies Like Us, 1986 (24, 13).

(с группой «Wings»). Give Ireland Back To Irish, 1972 (21; 16), Mary Had A Little Lamb, 1972 (28, 9); Hi Hi Hi/C Mon, 1972 (10; 5), My Love, 1973 (1, 9) Live And Let Die, 1973 (2; 9) He on Wheels, 1973 (10; 12); Jet, 1974 (7, 7), Band On The Run, 1974 (1, 3), Junior's Farm, 1974 (3, 16), Listen To What The Man Said, 1975 (1; 8), Venus And Mars/Rock Show, 1975 (12, -), Silly Love Songs, 1976 (1, 2), Let Em In, 1976 (3; 2) Maybe I'm Amazed, 1977 (10 28) Mul. Of Kintyre/Gir School, 1977 (33, 1), With A Little Luck, 1978 (1, 5), Goodnight Tonight, 1979 (5, 5), Getting Closer, 1979 (20 60).

Пл. (соло): McCartney, 1970, Ram, 1971; McCartney II, 1980 McCartney Interview, 1981; Tug Of War, 1982; Pipes Of Peace, 1983 Give My Regards To Broad Street, 1984 Press To Play, 1986, All The Best, 1987 (2LP — сборник); Flowers In The Dirt, 1989, Tripping The Live Fantastic, 1990 (Live LP)

(с группой «Wings»). Wild Life, 1971, Red Rose Speedway, 1973, Band On The Run, 1974 Venus And Mars, 1975 Wings At The Speed Of Sound, 1976, Wings Over America, 1976 (3LP — Live), London Town, 1978; Wing's Greatest, 1978 (сборник); Back To The Egg 1979

Изменения состава «Wings»: 1972 + Генри Манкаллох; 1973 — Г. Манкаллох, — Сейуэлл; 1974 + Джимми Манкаллох, гит. + Джефф Бриттон, уд., — Бриттон, + Джо Инглиш, уд., 1977 — Инглиш, — Дж. Манкаллох, 1978 + Стив Холли, уд., + Лоуренс Джабер, гит., вои

McCOY, VAN Ван Манкой. Родился 6 января 1944 г. в Вашингтоне, США, умер 6 июля 1979 г. Вокалист, пианист, композитор, продюсер.

В. М. стал известен как продюсер таких популярных исполнителей Америки, как Арета Франклин, «Gladys Knight And The Peps», «Peaches And Herb» и Мелба Мур.

В. М. начал играть на фортепиано с четырех лет — вместе со старшим братом Норманом (виолончель) они организовали инструментальный дуэт и выступали на детских утренниках под названием «The McCoy Brothers» («Братья Манкой»), в 12 лет В. М. написал свою первую песню. После окончания муз. школы он поступил в Говард на отделение психологии, одновременно выступая в качестве вокалиста с группой «The Starlighters». Не за-

кончив образования, В. М. переехал в Филадельфию, где вместе со своим дядей организовал независимую фирму грамзаписи

Вскоре В. М. начал писать песни для Глэдис Найт, Барбары Люис и группы «Ruby And The Romantics». В 1975 г. он записал инструментальный диско-хит «The Hustle», занявший первое место на по категории ритм-энд-блюз, тан и поп. Среди других известных вещей музыканта можно отметить «Change With The Times», 1975 (48-е — поп, 6-е — ритм-энд-блюз) и «Party», 1976 (69-е — поп, 20-е — ритм-энд-блюз). Он скончался в результате сердечного приступа

Пл.: Disco Baby, 1975 Disco Kid, 1975; The Real McCoy, 1976 The Hustle, 1976, My Favorite Fantasy, 1978, Lonely Dancer, 1979 Dancin', 1979, From Disco To Love, 1979 (сборник); Sweet Rhythm, 1979, The Real Hard Job, 1984 (2LP — сборник).

McDONALD COUNTRY JOE. Кантри Джо Макдоналд (настоящее имя Иосиф Макдоналд). Родился 1 января 1942 г. в Калифорнии, США. Вокалист, композитор, гитарист.

Названный родителями в честь И. В. Сталина, юный Иосиф рос под музыку кантри и фолк. Еще учась в школе, он написал свою первую — антиядерную — песню «I Seen A Rocket». В 17 лет он ушел на службу в ВМФ США, после демобилизации год проучился в колледже Лос-Анджелеса, а затем переехал в Беркли, где вплотную занялся песнями протеста

Первую пл. «Прощальный блюз» К. Дж. М. записал в 1964 г. Присоединившись к фолк-группе «The Berkeley Singing Quartet And The Instant Action Jug Band», К. Дж. М. близко познакомился с выдающимся гитаристом Барри Мелтоном, и в 1965 г. они организовали дуэт «Country Joe And The Fish». Подобно многим фолк-группам, дуэт вскоре обратился к року и разросся до квинтета (К. Дж. М., вок., гит.; Барри Мелтон, гит., Чинен Хирш, уд.; Брюс Бартол, бас, Дэвид Ноэн, клав., гит.)

Группа начала с политических сорокапятков (одна из самых известных — «F-U-S-K») но в 1966 г. музыканты почувствовали прелесть элктронинструментов и записали два рои-альб. (в том числе сюиту о вьетнамской войне в духе «черного юмора» «Похоже, меня приговорили к смерти», 1967, где программный девиз «F-U-S-K» был заменен на «F-I-S-H»)

Затем «Country Joe And The Fish» выступали на фестивалях в Монтери и Вудстоне, много гастролировали, но в конце 1969 г. К. Дж. М. и Б. Мелтон несколько раз задерживались полицией по подозрению (на то оказалось, вполне обоснованному) в хранении наркотиков, что отрицательно сказалось на реакции прессы, и в 1970 г. группа распалась (в 1971 г. К. Дж. М. и Б. Мелтон снялись в худ. фильме «Захария»).

Сольную карьеру К. Дж. М. начал с кинематографа — он написал музыку и голландской экранизации книги Генри Миллера «Тихие дни в Клиши», и чилийскому политическому фильму «Que Hacer». Одновременно музыкант записывал пл. (иногда с Б. Мелтоном, который также работал сольно), выступал с концертами, в том числе и в Европе, вошел в совет ветеранов вьетнамской войны, серьезно занимался проблемами экологии.

В 1977 г. была предпринята попытка реанимировать «Country Joe And The Fish» (музыканты даже записали альб. «Воссоединение»), но тяга к сольному творчеству оказалась сильнее, и К. Дж. М. вновь уединился в своей студии.

Перебравшись в Париж, музыкант попытался вернуться к музыке своей юности, но фолк-рои уже не пользовался популярностью, и песни К. Дж. М. «проходили» лишь в клубах битников и неомодернистов

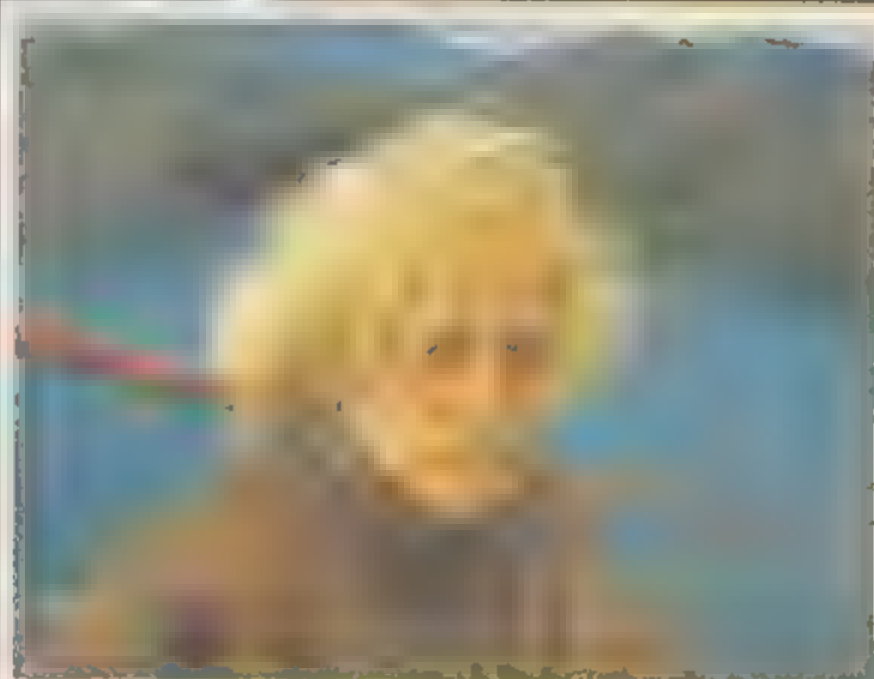
Творчество К. Дж. М. и при его успехах пришлось на период органичного сплава «нового белого блюза» и музыкального фольклора с психоделическим духом «Лета любви» — можно с изрядной долей уверенности сказать, что более естественной и изящной психоделии, к которой пришла в конце концов музыка «Country Joe And The Fish», рои больше не знал.

Пл. (с группой «Country Joe And The Fish»). Electric Music For The Mind And The Body, 1967 I-Feel-Like-I'm—Fixin'-To Die, 1967, Together, 1968, Here We Are Again, 1969, Thinking Of Woody Guthrie, 1969; Greatest Hits 1969 (сборник); Tonight I'm Singing For You, 1970, Country Joe And The Fish, 1970 (сборник), Life And Times Of Country Joe And The Fish (From Haight-Ashbury To Woodstock), 1971 (концертный сборник); The Best Of Country Joe McDonald And The Fish 1973 (сборник); The Essential Country Joe McDonald, 1976 (2LP — сборник); Reunion, 1977.

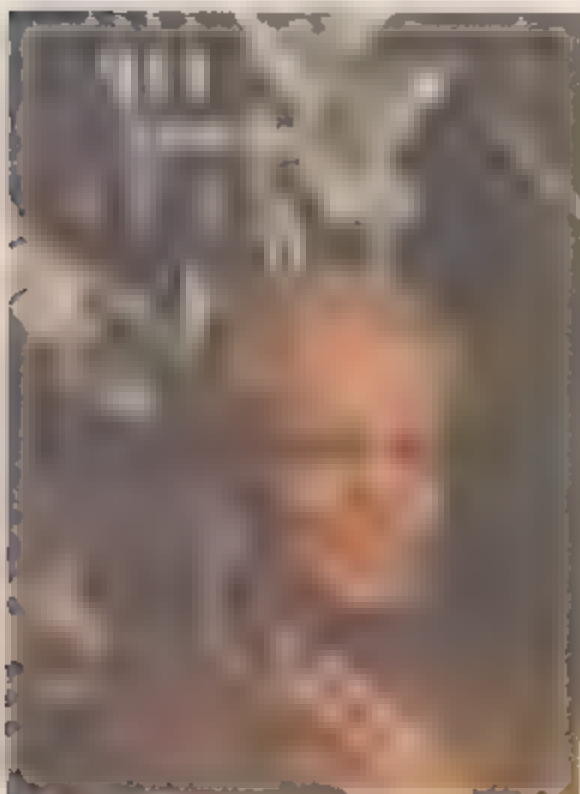
(соло): The Goodbye Blues, 1964, Quiet Days In Clichy, 1971 (и фильму), Hold On It's Coming, 1971, War War War, 1971; Incredible Live, 1972 (Live LP), Paris Sessions, 1973 Country Joe, 1975 (сборник); Paradise With An Ocean View, 1975 Love Is A Fire, 1976 Golden Hour, 1977 (сборник), Best Of Country, 1977 (сборник); Rock N'Roll Music From Planet Earth, 1978; Tribute To Woody, 1978 (Live LP), Leisure Suite, 1979, The Early Years, 1980 (сборник ранних вещей); Animal Tracks 1983

МОЕ СТРАШНОЕ ДЕТСТВО

На снимках: К.Кински в кино и в жизни.

Он — киноактер, на них называют великими, он отец знаменитой актрисы Настасии Кински, он один из самых богатых людей в мире, все знают его страсть к «феррари» и «роллс-ройсам». Но мало кто знает, что Клаусу Кински до сих пор снится, нан в детстве его, голодного мальчишку, поймали на краже картошки. Мы публикуем отрывок из книги Клауса Кински «Мне нужна любовь», посвященный его детству.

«**Н**икуда отсюда не уходи», — говорит отец. Хотя я редко слушаю его, на этот раз он просит меня так настойчиво, что я застываю на месте, из любопытства.

Что он задумал? Почему он не хочет, чтобы я пошел с ним? И неужели у него есть деньги, чтобы зайти в такой шикарный магазин? Я не успел у него спросить. Отец уже вошел в бакалейный магазин, потный покупатель.

Все мальчишки с нашей улицы называют отца «Бульбуль», уменьшительное от «бульдога», со своим богатым черепом он и впрямь похож на бульдога. Еще его называют «15 ватт» — в солнечный день его череп сверкает как электрическая лампочка.

Голову он бреет, чтобы выглядеть

Клаус КИНСКИ,
австрийский киноактер

солидно. А это нелегко, поскольку его так называемый гардероб состоит исключительно из того, что есть на нем в данный момент, и может в любую минуту расползтись по швам. Думаю, именно поэтому, когда он передвигается, он не сгибает руки и ноги, не наклоняется, избегает лишних движений, словом, почти парит над землей. Это еще и потому, что подошвы его ботинок отваливаются. Если ходить как все, то такие подошвы при каждом шаге открываются как крокодилий пасть и шумно шлепают о землю. Но мой отец разработал специальную технику ходьбы, которая великолепно скрывает катастрофическое состояние его обуви. Солидность ему придает и

монокль. По правде говоря, это вовсе и не монокль, а стекло от очков. Без него он ничего не видит, он почти слеп.

Словом, я надеюсь, что когда люди его видят, они трепещут, ведь мой отец, ко всему прочему, обладает незаурядной силой и сложен как атлет. Хотя я, наверное, обольщаюсь. Когда он одет в свое тряпье, кто увидит его мускулы? И мне от этого грустно. Потому что я люблю отца и хочу, чтобы люди его боялись. Когда человек беден, его единственное оружие — внушать страх.

Я жду. С тех пор, как отец вошел в магазин, кажется, прошла целая вечность. И тут мой отец выскакивает на улицу. Вдогонку кто-то кричит: «Держите вора! Держите этого лысого!» Кто-то из служащих магазина сбивает меня с ног, я качусь к фруктовым лоткам, выставленным на тротуаре. Вокруг меня — раскатившиеся по земле яблоки. Я тут же запикиваю их в свой фартук и удираю, не разбирая дороги, кляня нашу нищету, бакалейщика и отца, из-за которого вся эта кутерьма.

Я мчусь, прижимая к себе фартук, полный яблок, он лупит меня по ногам. Я спотыкаюсь обо все камни, которые встречаются на пути, хотя спотыкаться мне строжайше запрещено матерью — то, что на мне — моя единственная пара обуви. И тут огромная рука хватается меня за шею и тягивает в подъезд. Я оборачиваюсь и вижу отца.

Отец плачет. «Папа, что с тобой?» Вместо ответа он вскрикивает как ребенок и прижимает меня к себе с такой силой, что у меня перехватывает дух. В руке у него почти раздавленная плитка шоколада.

Неужели весь этот шум из-за плитки шоколада?

«Почему ты плачешь, папа?»

Он силится что-то сказать, но рыдания мешают ему. Он сует мне раздавленную шоколадку.

У отца никогда не было денег, потому что у него никогда не было работы. Даже если он из кожи вон лез, чтобы ее найти. Либо его никто не хотел брать на работу, либо, наняв, вскоре увольняли. Почему? Не знаю. С ним вечно какие-нибудь истории.

Вся жизнь его — несуразная история. Самые прекрасные годы юности он потратил, набивая по ночам голову латынью и греческим и изучая фармакологию. Для чего? Чтобы вот так, стянув плитку шоколада, плакать от стыда? Мне хочется что-нибудь для него сделать, помочь ему, защитить. Я стараюсь отнять его руки от глаз.

«Перестань плакать. Папа... Папочка!»

Когда мать говорит мне: «Поверь мне, сегодня у нас будет что поесть...», когда она, как и все мы, цепляется за эту навязчивую мысль, которая помогает нам продержаться, я отвечаю ей как можно короче:

— Да, мама.

На самом деле мне хочется ей ска-

зать: «Я никогда не сдамся. В этом ты можешь быть уверена. Когда-нибудь я заработаю столько денег, что смогу купить тебе шубу, перчатки на меху, теплые ботинки для твоих озябших ног. Ты будешь пить сколько угодно настоящего кофе и есть сколько угодно тартинок с настоящим медом».

Вот что я хотел бы ей сказать. Но я молчу. И она осторожно улыбается, она стесняется своих испорченных зубов.

— Ты не стыдишься своей беззубой матери?

— Никогда не говори так, мама!

— Но ведь правда, у меня почти не осталось зубов, хотя я еще и молодая. Иногда мне кажется, что тебе стыдно за меня.

— Нет, неправда! Я хочу, чтобы ты целовала меня всю жизнь, даже если у тебя вовсе не останется зубов!

Она берет мою голову в свои ладони, у нее сильные большие ладони.

Мы часто допоздна сидим в нашей комнате на полу, с пустым желудком и без единой игрушки, чтобы отвлечься. Зимой, когда стоят холода, мы вообще не выходим на улицу. У нас нет пальто, и хотя мы привыкли к холоду, мама все равно переживает за нас за всех, особенно за Арна — у него астма. Ахим, тот даже не знает, что такое насморк. Инга крепка как скала. Я тоже не хлюпик. Отец никогда в жизни не болел.

Я стою у окна как зверек, залптый в клетку, который поднимается на задние лапки и прижимается к решетке, тоскуя по свободе.

Если бы еще этот дом был не таким отвратительным! Повсюду затхлый запах. Я даже подумываю, не спрятал ли наш хозяин где-нибудь труп своей матери, чтобы не тратиться на похороны. Он такая жадина, что наверняка пересчитывает яблоки на двух своих чахлах деревцах и смородину на кустах. Как только он видит, что мы подходим к яблоням, он врывается в сад как кабан. Он так боится, что не успеет собрать свой урожай, что рвет яблоки еще зелеными.

Мы постоянно голодны. Даже если бы мне каждый день удавалось красть яблоки из сада или картошку на овощном рынке, где я торчу летом с утра до вечера, этого было бы недостаточно для всех.

Мама работает как каторжная: за несколько монет она стирает белье. Она так устает за день, что к вечеру уже не может сдержать свой гнев: «Я не в состоянии даже прокормить собственных детей! А ты, отец детей, почему ты не работаешь? Ты не можешь попридержать язык, когда тебя наконец-то принимают на работу? Почему судьба столкнула меня именно с тобой? Мы кочуем из одного клоповника в другой и живем как свиньи. Почему? Почему?»

В глубине души мне иногда кажется, что мама скоро сломается. Иногда она так дрожит, что у нее все падает из

рук. Что мы будем делать, если с ней что-то случится? Отец всегда молча сносит все оскорбления и обвинения.

Ночью, когда сон не идет к нам, оттого, что мы мучаемся от клопов и тесноты, отец уступает нам свое место на кровати. Часто он проводит всю ночь, сидя на стуле. Или уходит бродить по улицам. Он никогда не заходит в кафе и ничего не тратит на себя.

Не так давно хозяин дома потребовал от мамы, чтобы она стала любовницей. Тогда он не выбросит нас на улицу. Мой отец, добрый, как Иисус Христос, пошел к нему. Своими гигантскими кулаками он как топором раскроил ему физиономию.

И вот мы на улице. Сидим на вещах. Слава Богу, сейчас весна. Я вдыхаю воздух полной грудью, как будто до этого я был похоронен заживо.

Четыре часа утра. Вот уже сутки, как у нас нет крыши над головой, мы заходим во все третьеразрядные отели, но никто не хочет нас пускать. Достаточно посмотреть на наш багаж! Постояльцев с детьми тоже не любят. А уж если их четверо! И надо нас видеть!

Когда отец звонит ночному портю, мы прячемся. Отец поправляет монокль, уверенный, что произведет хорошее впечатление. Дудки! Он не брился несколько дней. У него вид сбегавшего преступника. И вообще портю сразу же настораживаются, когда видят человека, прибывшего рано утром без вещей. Если кто-то из них и соглашается поговорить с отцом, то требует плату вперед.

В семь часов утра нам удастся пристроиться в жалкой привокзальной гостинице. И снова мы вшестером в одной постели. И так долгие месяцы.

Когда мы переехали в квартиру, которую снял папа после того, как он нашел работу, это было счастьем. Комната четыре метра на три, коридор в один квадратный метр и кухня полтора метра на два; туалет, общий для всех жильцов, на лестнице. Есть газовая плита. Чтобы ею пользоваться, нужно опустить монетку. Раз в месяц приезжают люди из Газовой компании, снимают пломбу и выгребают монетки, а потом опечатывают аппарат снова. Бывший жилец нашей квартиры избавил компанию от этой работы. Он сорвал пломбу, выгреб все монетки, опустил их снова в аппарат и отравился газом. Теперь он в морге, а мы — в его квартире. Это настоящий рай. Сначала мы все спали на полу. Потом купили у старьевщика пружинную кровать и старый матрас.

Отец работает в аптеке и ворует для Арна, у которого обострилась астма, лекарства. Каждый день Арн глотает несколько ложек желтого порошка, который лежит в большой тарелке. Мы ему завидуем, потому что желтый порошок — тоже еда. От нас мама тарелку прячет.

Мама шьет сумочки для туалетных принадлежностей. В магазине такая сумочка стоит в десять раз больше,

чем платят ей. Нужна швейная машинка. Мы остановили свой выбор на подержанном «Зингере», который можно оплатить в рассрочку в течение полутора лет. Машинка старая и так тарахтит, что соседи справа, слева, снизу и сверху протестуют. Они не могут спать, слушать радио, завтракать или обедать в тишине. Даже в туалете покоя нет. Они стучат в стены, долбят в потолок, топают в пол, ругают нас из окон, стучат как ненормальные в дверь и жалуются владельцу. И все из-за швейной машинки. Потому что мама прекращает строчить, только когда у нее опухают ноги и она в изнеможении падает на машинку. Проснувшись в этом же положении, она тут же начинает строчить снова. Когда же приближается дата сдачи товара, она даже ест за машинкой. Готовит еду моя сестра.

Если не считать нищенских заработков отца, машинка — наш единственный источник существования. Ночью мы работаем посменно. Двое детей спят с отцом на кровати. Двое других садятся на пол рядом со швейной машиной и передают из рук в руки законченные изделия, чтобы подрезать подкладку и обрезать ненужные нитки. Настоящий конвейер. И пока машинка громыкает, никто не имеет право нарушить ритм. Но отец спит. Он запикивает в уши восковые шарики. Его аптека находится в сорока километрах от дома. Чтобы туда добраться, нужно два часа ехать на трамвае и метро. Отец встает в четыре часа утра, бреет лицо и голову и уходит.

Когда сумочки готовы, мы связываем их в огромные пакеты, и один из нас сопровождает маму к заказчику. Того, кто в этот день помогает ей нести пакеты, она ведет в закусочную и угощает горячими франкфуртскими сосисками и сказочно вкусным желе зеленого, желтого или красного цвета. Тра-та-та-та-та... Грохот машинки сотрясает всю квартиру.

Я тоже работаю. Угольщик за то, что я разношу уголь по квартирам, платит мне углем.

Я выбиваю ковры, задыхаясь от вони и пыли. Но с каждым ударом я убиваю частичку моей нищеты.

Я таскаю в прачечную грязное белье. Замачиваю его в корыте. Тру его, пока пальцы не начинают кровоточить. Развожу крахмал, отжимаю простыни, нагреваю утюг, глажу и бесплатно доставляю белье.

Я чищу ботинки. Я помогаю мусорщикам подбирать отходы, выпавшие из помойных баков. Я таскаю тележки подметальщиков улиц. Я собираю на улице окурки, вытряхиваю табак и делаю из него новые сигареты, которые покупают пенсионеры и инвалиды. Я собираю для шарманщика монетки, которые ему бросают из окон, и держу на плече маленькую, грустную и болезненную обезьянку, прикованную к шарманке, когда ее хозяину нужно отлучиться по нужде.

С четырех до шести утра я разношу газеты, молоко в бутылках и булочки. Я ношу стопки журналов, ящики с бутылками, большие корзины, полные пакетов с булочками, с одной улицы на другую, от дома к дому, с этажа на этаж, от квартиры к квартире; иногда от усталости и голода мне становится так плохо, что я присаживаюсь на ступеньки и держусь за перила, чтобы не упасть в обморок.

Когда мне становится невозможно, я открываю пакет и обкусываю маленькие кусочки корочки с горячих хрустящих хлебцев. Если же корочка слишком тонкая, я ее только облизываю. Или просто нюхаю. Или прижимаю хлебец к щеке и целую его. Иногда у меня так пересыхает во рту, что язык прилипает к небу, и мне больно глотать. Тогда я осторожно приподнимаю картонную крышку на бутылке и окунаю язык в молоко. О том, чтобы выпить глоточек, не может быть и речи. Клиент обязательно заметит.

Самая плохая работа — это помогать служащим похоронного бюро Гробовщики, от которых всегда несет шнапсом, платят мне три монеты за труп. Однажды мне поручили обмыть и одеть в саван маленькую покойницу семи лет. Матери у нее нет. Отца тоже. Ни братьев, ни сестер. Только в углу сидит старик, который разговаривает сам с собой. Девочка держит в руке плюшевого мишку, из которого вылезает набивка. Чтобы ее переодеть, нужно было сначала вынуть из руки мишку. Она крепко его держит в своих смертельных объятиях.

Я говорю гробовщикам: «Я не могу этого сделать». Один из них тихонько потянул медведя, но малышка не кочет его выпускать. Он потянул еще. Тщетно. Тогда он резко дернул. От этого резкого движения девочка села, как будто для того, чтобы сказать: «Вы можете тянуть сколько угодно!»

Я убежал...

В конце концов, нас выставили из квартиры. Из-за машинки. Мама пыталась отравиться снотворными. Арн рассказал мне, как отец шел рядом с носилками и плакал, когда санитары спускали ее по лестнице. Ее голова соскальзывала с носилок и стучалась о стены на всем протяжении пути.

Когда стало ясно, что мама выживет, отец откуда-то взял деньги и снял светлую, солнечную, с цветами на балконе квартиру! А тут началась война. Раньше мы не могли спать из-за шума машинки. Теперь каждую ночь воздушная тревога. Но мы не ходим в укрытие. Только переворачиваемся на другой бок: «Идите вы все к черту!» Потом бомбы посыпались градом и разрушили все дома вокруг. Потом меня призывали в армию.

Я пропускаю этот период, который тоже был ужасен, как и годы нищеты. Я был взят в плен и отправлен в ан-

Ровесник 8'91

глийский лагерь. Там я получил телеграмму от брата. «Мама умерла. Об остальных ничего не знаю».

Арн рассказал мне, как умерла мама. Он узнал это от женщины, которая была с ней, когда это случилось. Маму обстреляли с американского истребителя. Пулеметная очередь прошла ей живот. Она лежала, истекая кровью, в водосточной канаве. Потом ее куда-то увезли. Женщина не знает, куда, потому что сыпались бомбы, и ей пришлось уйти в бомбоубежище.

Мы ничего не знаем об отце. Ахим находится в русском плену. Слушая Арна, я не плакал. Я бесцельно пошел бродить по улицам, к ночи зашел в какой-то парк и прижался лицом к земле.. Моя мама умерла.

А я так хотел купить ей шубу, ботинки для ее замерзших ног, хотел, чтобы она пила настоящий кофе и ела тартинки с медом.

Когда я пишу эту ужасную главу моих детских воспоминаний, я думаю о всех несчастных детях в мире. Хватит грустных детей!!! Дети — единственная надежда взрослых. Только они могут вернуть взрослым свободу. Детям нужно говорить, как они прекрасны и талантливы, нужно их в этом убедить, нужно им дать все, вместо того, чтобы все запрещать.

Все люди должны научиться еще в школе мечтать о детях и научиться у детей очаровываться жизнью и никогда не терять надежду.

Я думаю о своем маленьком сыне Нану.

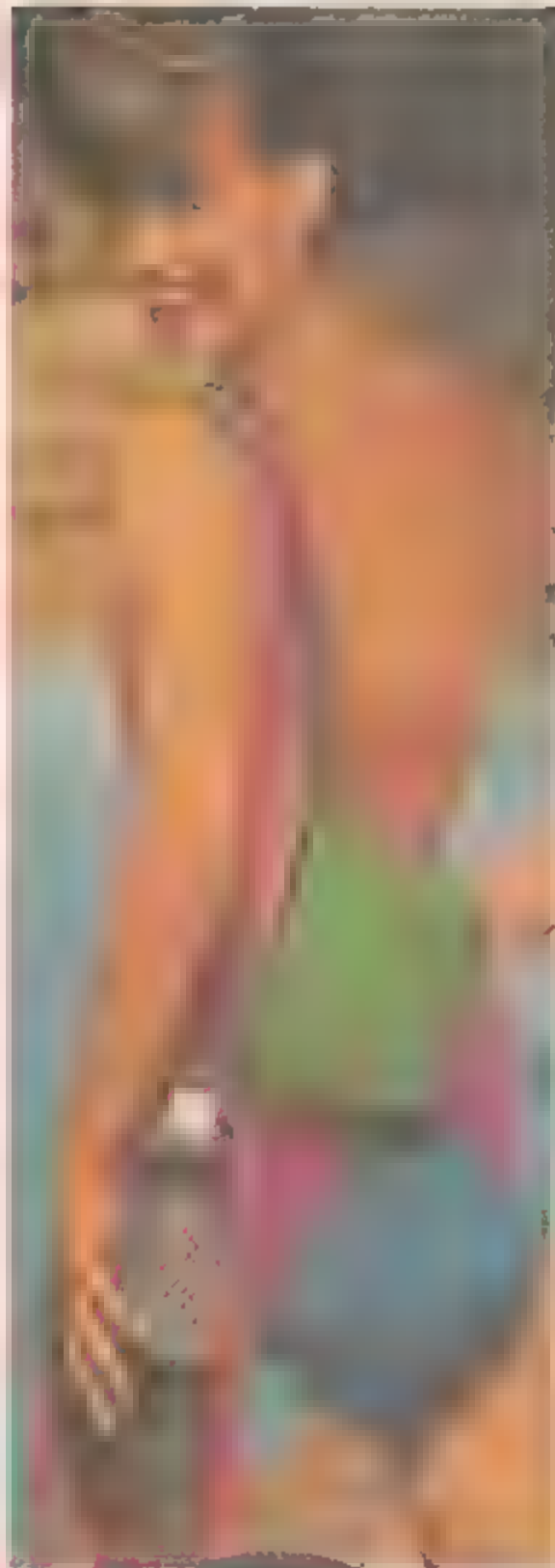
Я знаю, что делаю массу ошибок и совсем не идеальный отец. Я знаю, что многие вещи я должен был бы делать намного лучше. Но я многого еще не умею. Самые важные для меня знания я получил от тебя, сын, и тебе я обязан этим познанием. Я восхищаюсь тобой. Я обожаю тебя. Я хочу защитить тебя. Отдать за тебя жизнь, если потребуется.

Я хочу тебе кое-что сказать, моя любовь. Когда ты родился, я сделал одно открытие: я появился на свет только человеком, но весь мир, звезды, солнце, ветры, огонь, пустыни, леса, горы, небеса, океаны и облака заключались во мне. И все животные, все растения, все цветы. Ты, моя любовь, освободил звезды и ветры, солнца и леса, океаны, пустыни, горы, небеса и облака, которые были во мне. Ты, мой сын, своей любовью разбил тюрьму моей человечности и выпустил на волю птиц...

Перевела Т. МЕДВЕДЕВА

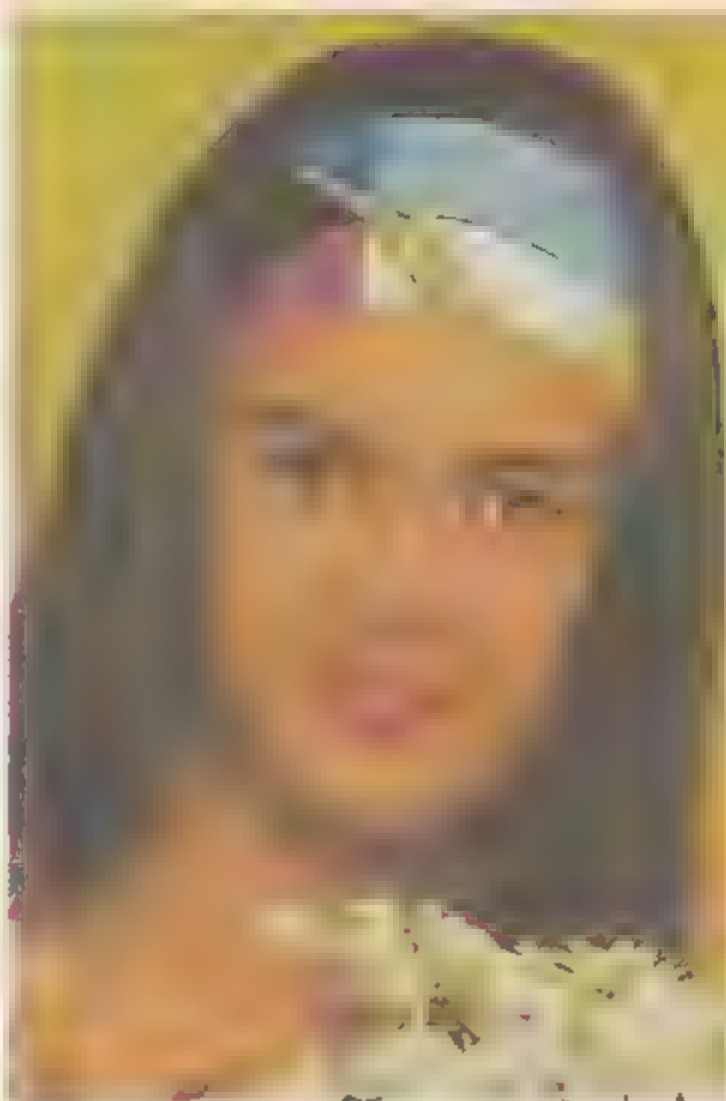

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК, безуспешно сражающихся с лишним весом и плохой кожей (что часто бывает взаимосвязано), тоже разрешимы. Но дорогой ценой — отказом от того, что вы любите больше всего на свете. А именно — от сладостей. Если вы озабочены тем, что кожа у вас жирная и на ней легко появляются прыщики, прежде всего откажитесь от: мороженого, конфет, шоколада, взбитых сливок, варенья, пирожных, кремов, сладких напитков, кофе и крепкого чая. Нельзя пить цельное молоко, сливки, избегайте сметаны, а уж о жирной пище и алкоголе вообще речи быть не может!

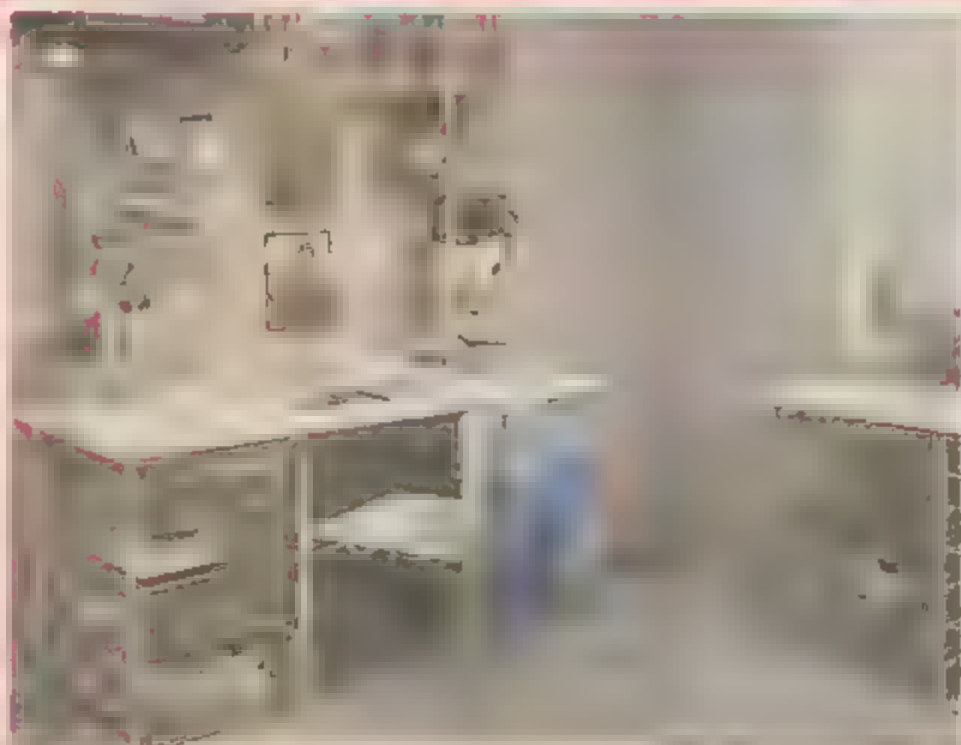
Что же остается? Побольше овощей и фруктов (кроме тех, что могут вызвать у вас аллергические реакции), отварная рыба, отварное мясо и птица. Как можно больше бывайте на свежем воздухе. Если не занимаетесь спортом, хотя бы старайтесь ходить пешком — и через некоторое время вы сможете без трепета смотреть в зеркало. И фигура станет, как на картинке!

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

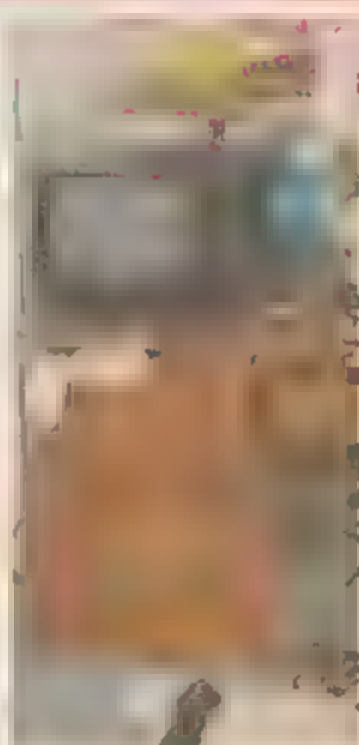
ЕСЛИ УЖ МОДА, СОВЕРШИВ ПОЛНЫЙ ОБОРОТ, вернула мини-юбки шестидесятых, то почему прически должны оставаться прежними? Вновь в моде прямые волосы (прощай, «мокрая химия»), стрижки «лесенкой» (с короткими волосами на затылке), а если волосы длинные, то носить их нужно либо на прямой пробор, либо с широкой лентой.

Порасспросите у мамы, как укреплялись на затылке шиньоны, — украшение малоприятное, но придется потерпеть!

ХВАТИТ НЫТЬ, ЧТО В МАГАЗИНАХ НИЧЕГО НЕТ — во-первых, от нытья ничего не появится, во-вторых, это не повод сидеть в грязи по уши. Тем более что организовать то небольшое пространство, которое вас окружает, можно и без больших затрат времени и денег. Достаточно лишь проявить немного фантазии.

Мы уже писали о том, как спасают обклеенные цветной бумагой или тканью или просто расписанные от руки коробки из-под обуви — туда можно уложить множество всякой всячины. Еще один способ: решетчатые пластмассовые ящики, продающиеся в хозяйственных магазинах. Из них получаются отличные полки для шкафа, ящики поменьше можно устанавливать на письменном столе один на другой: видно, что в них лежит, поэтому легко найти нужную вещь. К тому же мелкие вещи не валяются где попало. А вот еще один совет: приделайте на боковую поверхность письменного стола крючки и повесьте корзиночки — для карандашей, писем, бижутерии, швейных принадлежностей и проч.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

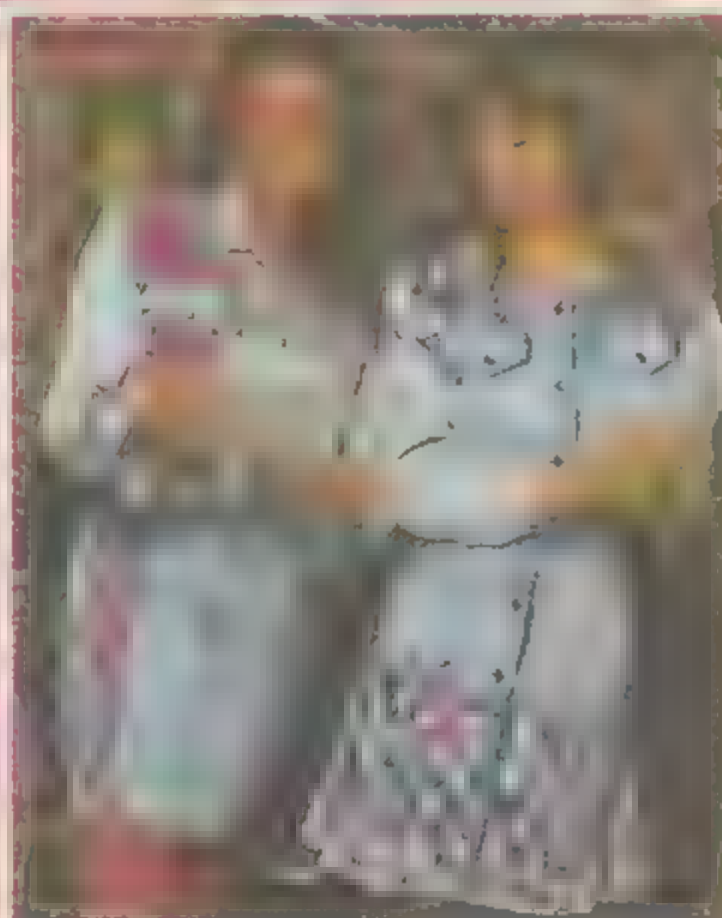
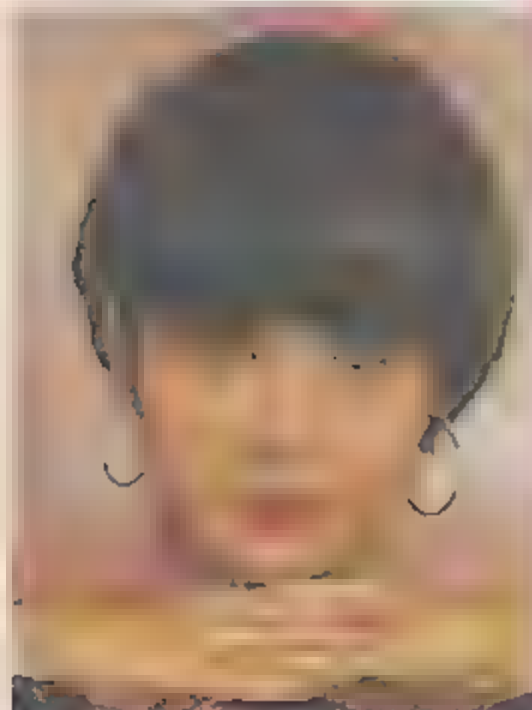
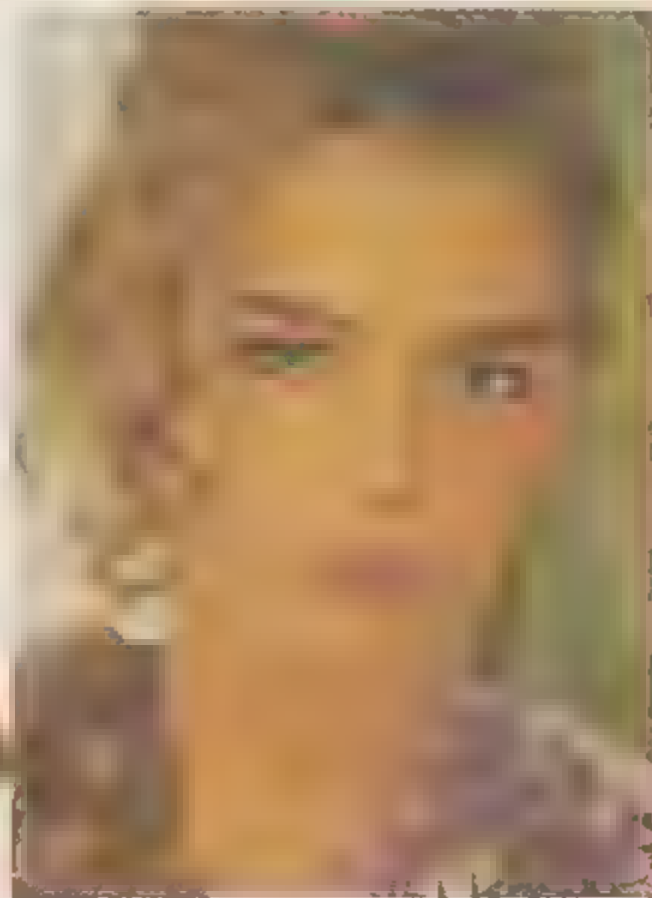

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

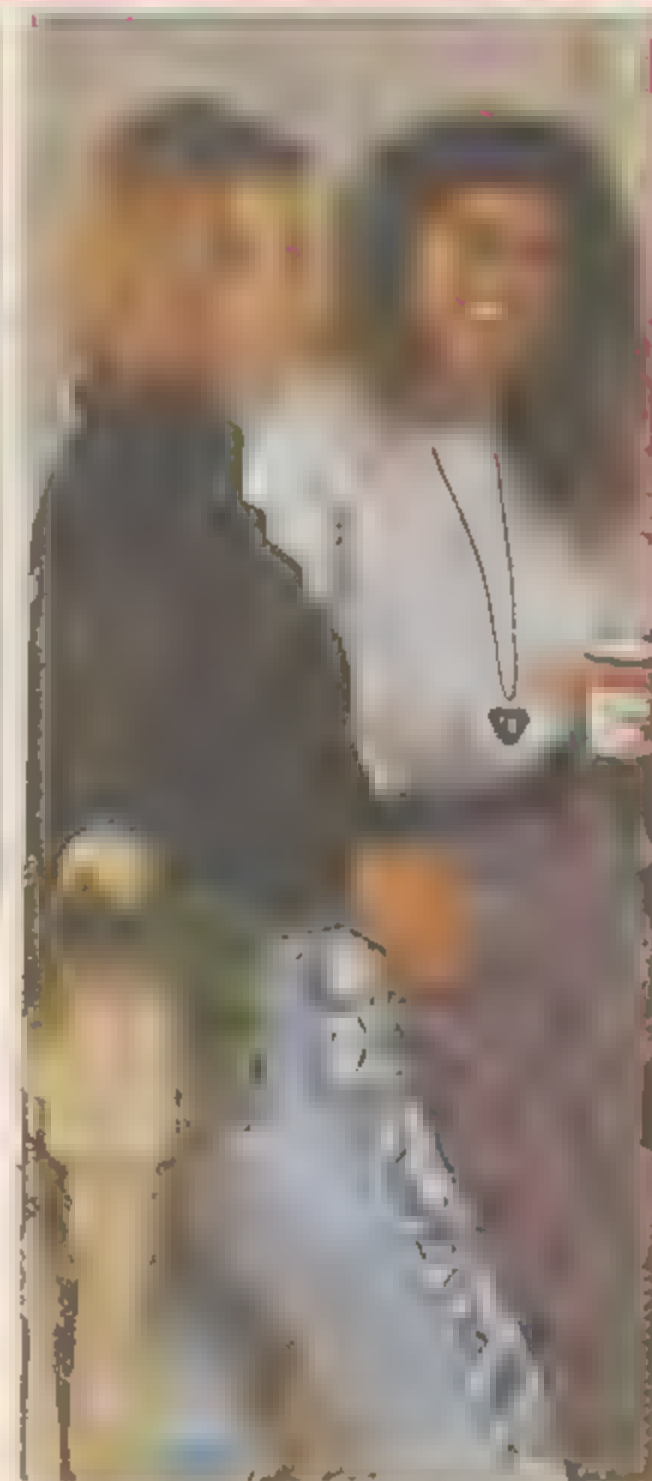
ДУХИ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ФРАНЦУЗСКИМИ — но они обязательно должны соответствовать вашему характеру. Если вы склонны к одиночеству, если вам хорошо наедине с природой — выбирайте запахи, напоминающие вам аромат лаванды. Если вы «легки на подъем», любите общение, ведете активный образ жизни — вам подойдут «фруктовые» запахи. Если же вы подвержены частым сменам настроения — цветочные или восточные ароматы.

И запомните главное: одни и те же духи на разных людях пахнут по-разному, поэтому вам не обязательно пойдут те же, что так хороши на вашей подруге. И еще одна хитрость: духи приобретают свой «реальный» запах минут через двадцать после того, как вы нанесли их на тело (никогда не душийте одежду!). Поэтому не душитесь перед выходом из дома, лучше делать это после душа, пока кожа еще влажная и теплая.

«ДЖИНСОВАЯ ТКАНЬ НИКОГДА НЕ ВЫХОДИТ ИЗ МОДЫ», — заявляют художники-модельеры, всячески подталкивая подростка к тому, чтобы он мчался в коммерческий магазин и падал в обморок, увидев цену... Выполнить советы модельеров, но сохранить при этом здоровье все же возможно, если вновь прибегнуть к фантазии. Даем вам рекомендации из американского журнала «Тин»: вот так при помощи ножниц, иглы и кусков от старых джинсов можно сделать новый модный наряд. Рекомендации эти для юных американок тоже вполне актуальны, потому что и там хорошие модные джинсы и куртки недешевы.

Только в комбинациях, помимо джинсовой должна участвовать хлопчатобумажная ткань.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

и

з-под колес «ягуара» летело прямое и бесконечное прибрежное шоссе. Было тепло, влажный воздух пах бензином и ночью. Мчались мы со скоростью 90 миль в час. Как все любители быстрой езды, Пауль вел машину с небрежным видом; на нем были перчатки как у профессиональных гонщиков — с аккуратными дырочками для костяшек пальцев, и оттого его руки были мне немного неприятны.

Меня зовут Дороти Сеймур, мне сорок пять лет, лицо немного увядшее, потому что ничто в жизни этому не препятствовало. Я пишу киносценарии, и довольно удачные, и все еще привлекательна для мужчин, наверное, потому, что и они привлекают меня. Я — одно из тех ужасных исключений, которые позорят Голливуд: в двадцать пять — актриса, и имела колоссальный успех в экспериментальном фильме, в двадцать шесть покинула фабрику грез, чтобы промотать свои гонорары с художником-авангардистом в Европе, в двадцать семь вернулась, никому не известная, без единого доллара и с несколькими судебными исками на руках. Видя мою неплатежеспособность, студия прекратила судебное дело и решила использовать меня как сценариста. мое славное имя уже не производило никакого впечатления на неблагодарную публику. Мне это даже понравилось — автографы, фотографии и награды всегда утомляли меня. Я стала Тем, Кто Мог Бы Иметь (отличное прозвище для какого-нибудь индейского вождя...). В конце концов, хорошее здоровье и богатое воображение — тем и другим я обязана ирландскому дедушке — заработали мне определенную репутацию. Я сочиняла цветные целлулоидные глупости, которые, к моему глубокому удивлению, еще и хорошо оплачивались. Особенно укрепили мой авторитет исторические ленты кинокомпании RKB, и в ночных кошмарах мне являлась Клеопатра, с горечью восклицавшая: «О нет, мадам, я не говорила Цезарю: «Войди, о властелин моего сердца»».

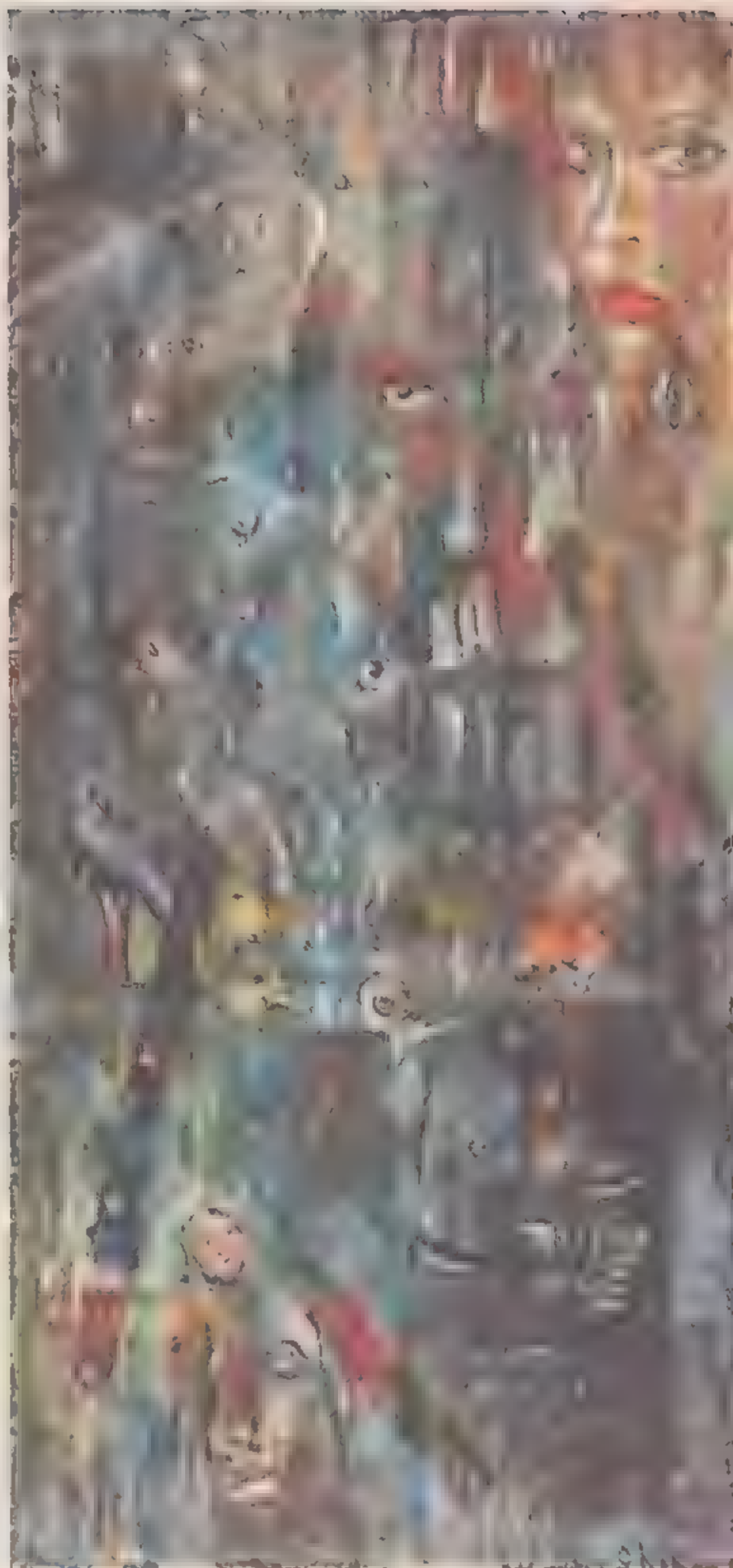
Между тем, властелином моего сердца или, по крайней мере, тела, в тот вечер предстояло стать Паулю, и я заранее зевнула.

Пауль Бретт, кстати, очень интересный мужчина, элегантный, обходительный, представлял интересы RKB и других кинокомпаний — оберегал от покушений на их собственность. Его достоинства котировались столь высоко, что Памела Крис и Лола Гревелт — две самые значительные секс-бомбы нашего поколения, в течение десяти лет пребывания на экране пожиравшие состояния и сердца мужчин и опустошавшие их портсигары, — даже они без памяти влюблялись в него, а

В оформлении использованы фрагменты картин Никаса САФРОНОВА

ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА

Франсуаз САГАН.
Французская писательница
Детективный роман

после разрыва закатывали истерики. Словом, Пауль мог по праву гордиться славным прошлым. Но, глядя на него в тот вечер, я видела только маленького белокурого мальчика, белокурого мальчика лет сорока. Должно быть, потому, что лицом он напоминал херувима.

Сегодня мы подошли к последнему рубежу: после восьми дней цветов, телефонных звонков, намеков и совместных выходов в свет женщина моего возраста не могла не сдаться, по крайней мере, в этой стране. День Икс наступил: в два часа ночи мы неслись по огибавшему океанский пляж шоссе в мою скромную обитель. Значит, впереди у меня приятный ритуал выживания из холодильника кубиков льда, поисков бутылки шотландского виски, вручения бокала с весело звенящими кубиками Паулю, а потом мне предстояло расположиться в гостиной на большой тахте, приняв соблазнительную позу а-ля Полетт Годдард. Пауль подошел бы ко мне, поцеловал... а после всего проворковал бы проникновенным голосом: «Это должно было случиться».

У меня перехватило дыхание. Пауль сдвинувшись вскрикнул. В свете фар, шатаясь, как лунатик, или скорее как одно из тех подвешенных соломенных чучел, которые я видела во Франции, на нас ринулся человек. Должна сказать, что мой маленький блондин среагировал мгновенно. Резко нажал на тормоза, и машина полетела в правый кювет вместе с очаровательной пассажиркой, я имею в виду себя.

После ряда странных видений я обнаружила, что лежу, уткнувшись носом в траву и вцепившись в сумочку: любопытная деталь, так как обычно я ее везде забываю. Потом услышала голос Пауля, произносящий мое имя с такой сердечностью, что у меня защемило сердце, и, успокоившись за него, я снова закрыла глаза. Лунатик не пострадал, со мной, как и с Паулем, все в порядке, значит, после того, как все утрясется — нервный шок и так далее, — у меня появится отличная возможность хорошо выспаться одной.

— Все хорошо, Пауль, — пробормотала я умирающим голосом и поудобнее устроилась на траве.

— Слава тебе, Господи, — воскликнул Пауль, обожавший старинные романтические выражения. — Слава Богу, ты не ранена, дорогая. На мгновение я подумал...

Я не знаю, о чем он подумал в то мгновение, так как в следующее нас, сцепленных в объятии, с адским грохотом отбросило метров на десять от кювета. Наполовину оглохшая и ослепшая, я освободилась от объятий Пауля, чтобы взглянуть на «ягуар», горевший, как свечка, к счастью, хорошо застрахованная свечка. Пауль тоже сел.

— Мой Бог, — простонал он, — бензин.

— Там осталось еще что-нибудь взрывающееся? — спросила я с оттен-

ком черного юмора. И внезапно вспомнила о существовании лунатика. Быть может, он горел в тот самый момент. Я вскочила, заметив, что на обоих чулках спустились петли, и побежала к дороге. Пауль последовал за мной. Темная фигура, недоступная огню, но неподвижная, распростерлась на щебенке. Сначала я видела только гриву каштановых волос, которым огонь придавал красноватый оттенок, а затем, без усилия перевернув тело, я увидела лицо человека, скорее лицо ребенка.

Поймите меня правильно. Я не любила, не люблю и не буду любить совсем молоденьких парней. Их растущая популярность, и среди моих приятельниц тоже, кажется мне удивительной. Прямо-таки последователи Фрейда. Юнцам, от которых еще пахнет молоком, не следует вить гнездышко на груди женщин, от которых пахнет шотландским виски. И все же это лицо на дороге, повернутое ко мне в свете языков пламени, это лицо, такое юное, но уже такое суровое, его совершенство наполнили меня странными чувствами. Мне хотелось и бежать от него, и баюкать, нежно обняв. А ведь я не страдаю комплексом материнства. Моя дочь, которую я обожаю, живет в Париже, счастлива замужем и окружена стайкой маленьких чертенят, которых она каждое лето, когда у меня появляется счастливая мысль провести месяц на Ривьере, мечтает спихнуть мне Слава Богу, я редко путешествую одна, поэтому ее мечты еще ни разу не материализовались.

Но вернемся к той ночи и к Левису — этого безумца, это чучело, этого лежащего без сознания человека, этого красавца звали Левисом. На мгновение я застыла над ним, не двигаясь, даже не положив ему руку на сердце, чтобы удостовериться, бьется ли оно. Я смотрела на него, не видя особой разницы, жив он или умер. Несомненно, недопустимая сентиментальность, в которой потом мне пришлось горько раскаяться, не в том смысле, как кто-то, возможно, подумал.

— Кто это? — сурово спросил Пауль. Если и есть что-то восхитительное в обитателях Голливуда, так это их манера знать и узнавать всех. И Пауля нервировало, что он не может назвать по имени человека, которого едва не переехал среди ночи. Я начала закипать.

— Мы же не на вечеринке, Пауль. Как ты думаешь, он ранен?.. О!..

Что-то коричневое, льющееся изпод головы незнакомца на мои руки... Кровь! Я узнала ее тепло, липкость, густоту. Пауль увидел кровь одновременно со мной.

— Я не задел его, я в этом уверен. Его, должно быть, стукнуло обломком машины при взрыве, — он встал, голос его был спокоен и тверд. Я начала понимать слезы Лолы Греветт. — Оставь здесь, Дороти, я пойду позвоню, — большими шагами он направился к темным силуэтам домов, видневшихся вдали. Я осталась одна на доро-

Ровесник 8'91

ге, рядом с человеком, который, быть может, умирал. Вдруг он открыл глаза, взглянул на меня и улыбнулся.

И

— Дороти, ты совсем свихнулась?

На такой вопрос мне труднее всего ответить, особенно, если его задает Пауль, одетый в элегантный темно-голубой блейзер, и при этом смотрит на меня с издевкой. Мы на террасе моего дома, и я одета для работы в саду: старые брезентовые штаны, цветастая блуза и косынка на голове. Не то, чтобы я когда-либо работала в саду: вид садовых ножниц пугает меня, но я люблю менять внешность. Поэтому каждый субботний вечер я одеваюсь для работы в саду, как и мои соседи, но вместо того, чтобы носиться за взбесившейся газонокосилкой или полоть буйно заросшую цветочную клумбу, я устраиваюсь на террасе с двойным виски в одной руке и книгой в другой. За этим занятием и застал меня Пауль. Я чувствовала себя виноватой и неряшливой — два почти одинаково неприятных ощущения.

— Ты знаешь, что все в городе только и говорят, что о твоём последнем сумасбродстве?

— Все, все, — повторила я недоверчиво и скромно.

— Что, во имя Бога, этот парень здесь делает?

— Но он выздоравливает, Пауль, он поправляется. В конце концов, ему сильно повредило ногу. И ты же знаешь, что у него нет ни денег, ни семьи, ничего.

Пауль глубоко вздохнул.

— Именно это и беспокоит меня, дорогая. А также и то, что твой молодой битник перед тем, как броситься под колеса, нажрался ЛСД.

— Но, Пауль, он же сам тебе все объяснил. Под действием наркотиков он не только не узнал, но и представить себе не мог, что это автомобиль. Огни фар он принял...

Неожиданно Пауль покраснел.

— Мне все равно, что он там себе представлял. Этот придурок, этот хулиган чуть не убил нас, а через два дня после этого ты привозишь его к себе, устраиваешь в комнате для гостей и носишь ему завтраки в постель. Что, если он однажды придушит тебя, приняв за цыпленка или Бог знает за что? А если он убежит с твоими драгоценностями?

Тут я нанесла ответный удар.

— Знаешь, Пауль, никто еще не принимал меня за цыпленка. А что касается моих драгоценностей, то их не так уж много, чтобы нажить на них состояние. В конце концов, не могли же мы оставить его совершенно беспомощного прямо на дороге.

— Ты могла оставить его в больнице.

— Но он считает, что в больнице слишком мрачно, и я целиком с ним согласна.

Пауль выглядел очень расстроенным, когда уселся напротив меня в парусиновое кресло. Чисто автоматически он взял мой стакан и выпил добрую половину содержимого. Я не остановила его, хотя мне это совсем не понравилось. Пауль явно был на взводе. Он посмотрел на меня

— Ты работала в саду?

Для убедительности я кивнула несколько раз. Любопытно, что некоторые мужчины просто заставляют их обманывать. Я просто не смогла бы объяснить Паулю мое невинное субботнее времяпрепровождение. Он опять назвал бы меня сумасшедшей, и я задумалась бы, а не прав ли он

— Что-то незаметно, — Пауль огляделся вокруг. Мой мизерный клочок сада действительно напоминал джунгли. Но я притворилась рассерженной.

— Я делаю все, что могу.

— Что у тебя в волосах?

Я провела рукой по голове и обнаружила две или три стружки, белые и тонкие, как бумага.

— Стружки, — недоуменно ответила я.

— Я это прекрасно вижу, — сухо подтвердил Пауль. — Кстати, их полно и на земле. Кроме ухода за садом, ты еще и плотничаешь?

В этот момент сверху спланировала еще одна стружка — ему на голову. Я быстро взглянула вверх.

— А, я знаю, это Левис вырезает маску из дерева, чтобы скоротать время.

— И элегантно отправляет мусор в окно? Очаровательно!

Я тоже начала немножко нервничать. Возможно, я допустила ошибку, привезя Левиса сюда, но, в конце концов, я это сделала лишь на определенное время и без каких-то скрытых мотивов. И потом, Пауль не имел на меня никаких прав, на что я тут же ему и указала. Он ответил, что у него те же права, какие имеет каждый мужчина на беспечную женщину. Право это — оберегать ее, и дальше такая же чушь... Мы повздорили, он ушел взбешенный, а я осталась в шезлонге, с навалившейся усталостью и теплым виски. Часы показывали шесть. На лужайке, усыпанной листьями, удлинились тени, приближающийся вечер сулил лишь скуку, так как битва с Паулем лишила меня приглашения в веселую компанию. Оставался еще телевизор, обычно нагоняющий сон, да неразборчивое бормотание Левиса, которое я слышала, принося ему обед.

Никогда раньше я не встречала такого тихого человека. Внятно он говорил только раз, когда объявил о своем нежелании оставаться в больнице, — это было через два дня после столкновения. Мое гостеприимство он принял как само собой разумеющееся. В тот день у меня было очень хорошее настроение, возможно, слишком хорошее; один из тех моментов, редких, слава Богу, когда чувствуешь, что каждый человек на Земле одновременно твой брат и твой сын, и ты должна заботиться о нем. С тех пор я забочусь о Левисе, удобно устроенном на кровати в гостевой комнате: на его ногу наложены повязки, ко-

торые он сам меняет. Все это время он не читал, не слушал радио, не смотрел телевизор, не разговаривал. Иногда сооружал нечто странное из сухих веток, которые я приносила из сада, или с ничего не выражающим лицом смотрел в окно. В самом деле, спрашивала я себя, а не идиот ли он, и это предположение, вкупе с его красивой внешностью, казалось мне очень романтичным. Что касается моих достаточно скромных и редких вопросов о его прошлом, будущем и настоящем, то ответ следовал один и тот же — «Это неинтересно». Однажды ночью он очутился на дороге перед нашим автомобилем, его имя Левис — и достаточно. Впрочем, меня это устраивало: длинные истории утомляют, а большинство окружающих, видит Бог, меня не жалели.

Я отправилась на кухню, на скорую руку приготовила изысканный обед из консервов и поднялась наверх. Постучав, вошла в комнату Левиса и поставила поднос на кровать, усыпанную стружками. Вспомнив о той, что спланировала Паулю на голову, я начала смеяться. Левис поднял глаза, явно заинтригованный. Глаза у него были как у кошки, зеленовато-голубые и очень светлые под черными длинными ресницами. Чисто автоматически я отметила про себя, что за такую внешность «Коламбия» подписала бы с ним контракт, не раздумывая ни секунды.

— Ты смеешься? — говорил он низким, хрипловатым голосом, чуть заикаясь.

— Я смеюсь потому, что одна из стружек упала Паулю на голову, и он рассвирепел.

— Его сильно ушибло?

Я взглянула на Левиса в изумлении. Впервые он шутил, по крайней мере, я надеялась, что он шутит. Я глупо хихикнула, и вдруг мне стало как-то не по себе. Пауль прав. Ну что я буду делать с этим молодым психом в субботний вечер, одна, в пустом доме? Я могла бы танцевать или смеяться с друзьями или даже заниматься любовью с милым Паулем или с кем-нибудь еще...

— Ты не собираешься уходить?

— Нет, — ответила я с горечью. — Я надоедаю тебе? — И тут же пожалела о сказанном, ибо это противоречило законам гостеприимства. Но лежащий в постели Левис залился счастливым, сердечным, прямо-таки детским смехом. И неожиданно, всего лишь под действием этого смеха, у него, казалось, появилась душа, он сразу помолодел.

— Тебе ужасно скучно? — Этот вопрос застал меня врасплох. Разве можно понять, когда тебе ужасно скучно, очень скучно или просто скучно в этой бесконечной кутерьме, которая и есть жизнь?

— Мне некогда скучать, — холодно ответила я. — Я сценарист кинокомпании RKB и я...

— Это там? — поворот его подбородка влево вобрал в себя сверкающую бухту Санта-Моники, Беверли-Хиллз, эту обширную окраину Лос-Анджелеса, студии и съемочные павильоны, и объединил их одинаковым презре-

нием. Быть может, «презрение» — слишком сильно сказано, но движение это выражало нечто большее, чем безразличие.

— Да, там. Так я зарабатываю себе на жизнь, — в моем голосе слышалось раздражение. За три минуты этот незнакомец заставил меня сначала упасть в собственных глазах, а потом почувствовать себя бесполезной. Ведь и в самом деле, что мне дала эта идиотская работа, кроме небольшой стопки долларов, собирающихся вместе каждый месяц и таким же образом каждый месяц растрачиваемых? Однако чувствовать себя виноватой из-за юнца, явно мало что знающего и принимающего ЛСД, было по меньшей мере неприлично. Я не имею ничего против таких наркотиков, но не верю, что привычка к ним имеет некий «философский» смысл — тем более что обладатели этой «философии» почти всегда предаются презрению тех, кто ее не разделяет.

— Зарабатываю на жизнь, — повторил Левис задумчиво, — зарабатываю на жизнь...

— Это обычная фраза, — ответила я.

— Как обидно! Я хотел бы жить во Флоренции в те времена, когда там хватало людей, заботившихся о других просто так, как ты сейчас.

— Они опекали скульпторов, художников или писателей. Ты — один из них?

Левис покачал головой.

— Быть может, они заботились о людях, приносящих им радость.

Я цинично рассмеялась, почти в духе Бетт Дэвис.

— Такое случается и здесь, — и я тоже повела подбородком влево. Левис закрыл глаза.

— Я же сказал «просто так», а здесь это делают не так.

Он произнес это с таким чувством, что у меня в голове вдруг зародились вопросы, один другого романтичнее. Что я знала о нем? Может, он любил кого-то до безумия? (Не понимаю, почему так говорят, по мне это единственный способ любить.) Случай, наркотики или же отчаяние бросило его под колеса «ягуара»? А сейчас — заживало ли его сердце, как и нога? И когда он упорно смотрел в небо — может, он видел там чье-то лицо? Несносная память полсказала, что последнюю мысль я уже использовала, когда писала сценарий к фильму «Жизнь Данте» и испытывала большие трудности с любовным антуражем. Голос за кадром. В кадре — Данте, сидящий за массивным средневековым столом. Данте поднимает глаза от запыленного манускрипта, и голос мурлычет: «Когда он упрямо смотрел в небо, не видел ли он там чье-то лицо?» Вопрос, на который зрителям предстояло ответить самим, я надеюсь, утвердительно.

Итак, мы пришли в ту точку, откуда начинался путь, проложенный ранее моим пером. Меня бы это очень обрадовало, обладай я малейшим литера-

турным честолюбием или следами таланта. Очень плохо... Я взглянула на Левиса. Он уже открыл глаза и наблюдал за мной.

— Как тебя зовут?

— Дороти, Дороти Сеймур. Разве я тебе не говорила?

— Нет.

Я присела на краешек кровати. В окно вливался вечерний воздух, напоенный запахом моря, запахом столь сильным, столь неизменным все эти годы, как я дышу им, что он казался прямо-таки жестоким в своем постоянстве. Долго ли еще я буду сладострастно вдыхать этот воздух? Сколько времени мне отпущено до того, как останется лишь тоска по ушедшим годам, поцелуям, теплу мужского тела? Я вышла бы замуж за Пауля, отказалась бы от неограниченной веры в свое хорошее здоровье, душевное равновесие. Так легко быть довольной собой, когда ты кому-то нужна, а потом? Да, потом? Потом, без сомнения, будут психоаналитики, сама мысль о которых вызывала у меня тошноту.

— Ты выглядишь грустной, — сказал Левис. Он взял мою руку и посмотрел на нее. Я тоже на нее взглянула. Оба мы с интересом разглядывали мою руку, ситуация забавная и неожиданная. Левис, похоже, не знал, что это такое, а у меня же возникло ощущение, что в руках у него какая-то вещичка, более мне не принадлежащая. Никто еще не держал мою руку столь естественно.

— Сколько тебе лет?

К моему безмерному удивлению, я ответила честно.

— Сорок пять.

— Счастливая.

Пораженная, я взглянула на Левиса. Ему, должно быть, двадцать шесть или чуть меньше.

— Дожить бы до таких лет. Это здорово, — он отпустил мою руку или, точнее, вернул ее моему телу. Затем закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Левис, — я встала.

— Спокойной ночи, — ласково ответил Левис. — Спокойной ночи, Дороти Сеймур.

Я осторожно прикрыла дверь и спустилась вниз, на террасу. Мне было необычайно хорошо.

III

«— Ты знаешь, я никогда не забуду тебя. Я не смогу тебя забыть».

— Забыть можно все.

— Нет. Между нами стоит что-то безжалостное, ты тоже это чувствуешь. Ты... должен понять. Невозможно, чтоб ты не понимал этого».

Я прервала этот волнующий диалог, мой последний шедевр, я бросила вопрошающий взгляд на Левиса. Он приподнял брови и улыбнулся.

— Ты веришь в безжалостность поступков? — спросил он.

— Но это же не обо мне, это о Ференце Листе и...

— Но сама ты веришь?

Я рассмеялась. Я знала, что жизнь временами казалась мне безжалостной, после некоторых любовных увле-

чений я была уверена, что никогда не приду в себя. И вот теперь, в сорок пять лет, я сижу у себя в саду в отличном расположении духа и ни в кого не влюблена.

— Когда-то верила, а ты?

— Пока нет, — Левис закрыл глаза. Постепенно он становился более разговорчивым, и мы болтали о нем, обо мне, о жизни. Вечером, когда я приходила из студии домой, он, опираясь на костыли, спускался вниз, устраивался на террасе в парусиновом кресле-качалке, и мы, бывало, в сопровождении нескольких порций шотландского, наблюдали наступление ночи. Я радовалась, что, приходя домой, нахожу его там, спокойного, странного, веселого и молчаливого одновременно, как какую-то домашнюю зверушку. Просто радовалась, ничего больше. Я ни в каком смысле не влюбилась в него, наоборот, его привлекательность пугала и почти отталкивала меня. Не знаю, почему, возможно, он казался мне чересчур приглаженным, слишком стройным, слишком совершенным. Нельзя сказать, что я видела в нем нечто женственное, но он заставлял меня вспомнить об избранной расе, о которой писал Пруст: волосы как пух, кожа как шелк. Короче, не было в нем ничего от детской угловатости, которую я нахожу такой привлекательной в мужчинах. Интересно, брился ли он, да и росла ли у него борода?

По рассказам Левиса, он родился в пуританской семье, в Новой Англии. Немного поучившись, пешком отправился в путь, подрабатывая по мелочам, где можно, и наконец прибыл в Сан-Франциско. Встреча с себе подобными, слишком большая доза ЛСД, нападение на машину, травма — и вот он здесь, в моем доме. Поправившись, он уедет — куда, он не имел ни малейшего представления.

А пока мы болтали о жизни, об искусстве — что-то он знал, но его образование изобиловало зияющими пробелами, — короче, наши отношения большинство людей назвали бы весьма интеллектуальными и в то же время самыми необычными, какие могут быть между мужчиной и женщиной. Но если Левис постоянно расспрашивал меня о моих прошлых любовных приключениях, то о своих не говорил никогда. Последнее, естественно, тревожило меня, учитывая его возраст. Слова «мужчина» и «женщина» он произносил одинаково вяло, беспристрастно. А так как я, даже в мои сорок пять, не могла произнести слово «мужчина» без нежности в голосе и не почувствовав волну милых сердцу спутанных воспоминаний, то порой ощущала некоторую неловкость.

— Когда ты впервые узнала, что такое жестокость? — спросил Левис. — Когда первый муж покинул тебя?

— Боже мой, нет. Это-то я пережила. Представь себе — постоянные разговоры об абстрактном искусстве... Но когда ушел Фрэнк — да, тогда я чувствовала себя, как раненое животное.

Ровесник 8'91

— Кто это — Фрэнк? Второй?

— Да, второй. Человек как человек, ничего особенного, но он был такой веселый, такой нежный, такой счастливый.

— И он оставил тебя?

— Лола Греветт влюбилась в него до безумия.

Левис приподнял брови, заинтригованный.

— Неужели ты не слышал об этой актрисе?

Он неопределенно взмахнул рукой. Меня это разозлило, но я не подала вида.

— Короче, Фрэнк потерял голову, решил, что уже на седьмом небе, и покинул меня, чтобы жениться на ней. В то время я думала, что никогда не выкарабкаюсь. Мучилась больше года. Ты удивлен?

— Нет. Что с ним стало?

— Через два года Лола безумно влюбилась в кого-то еще и бросила Фрэнка. Он снял три неудачных фильма подряд и начал пить. Вот и конец истории, наступило минутное молчание. Левис слабо застонал и попытался подняться из кресла-качалки.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила я.

— Мне кажется, я никогда не смогу снова ходить.

На мгновение я представила себя проводящей с ним, инвалидом, остаток дней моих, и, что любопытно, идея не показалась мне ни абсурдной, ни неприемлемой. Наверное, я уже достигла того возраста, когда хочется взвалить на себя такую ношу. В конце концов, я ничем не могла ему навредить.

— Оставайся, где ты есть, — весело воскликнула я, — а когда у тебя выпадут зубы, я буду готовить тебе кашку.

— А почему у меня должны выпасть зубы?

— Говорят, это случается, когда долго лежишь. Должна отметить, что это странно. Они тем более должны выпасть, когда стоишь, согласно закону всемирного тяготения. Но не выпадают.

Левис искоса взглянул на меня, почти как Пауль, но более дружелюбно.

— В этом что-то есть. Ты знаешь, я бы никогда не уходил от тебя, — затем, закрыв глаза, нежным голосом попросил принести что-нибудь из поэзии, и я отправилась в библиотеку поискать стихи, которые понравились бы ему. Это был еще один наш ритуал. Тихим, спокойным голосом я декламировала строчку за строчкой, чтобы не разбудить и не испугать его. В этот раз я выбрала «Оду Уолту Уитмену» Гарсиа Лорки.

Перевод Л. ТАТКО

Продолжение следует

ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Первый контакт, как правило, по телефону. «В нашей картотеке — 10 русских. Два — два с половиной миллиона лир за каждую...» Брачные агентства действуют не торопясь. Если клиента не смущает сумма, то после просмотра каталога за 5—6 или 7 миллионов лир ему устроят очную встречу с кандидаткой в жены. В том случае, если стороны придут к согласию, то сделка будет стоить клиенту от 8 до 10 миллионов лир.

«Но ситуация выходит из-под контроля. Все больше людей ездит в Советский Союз и не прочь заняться и этим видом коммерции. Кто они? Ну... скажем, деловые люди, агенты по продаже недвижимости... женщины для них — товар... наподобие экспортируемых животных». Джованни Поцци, директор брачного агентства «Линконтро», возмущен. Его недовольство вполне понятно, так как за время своей деятельности фирма успешно эксплуатировала брачный бизнес, поставляя в Италию невест из Таиланда, Филиппин и Бразилии, но не отреагировала на последнюю моду — женщин перестройки. Между тем на них существует хороший спрос среди итальянских рабочих, крестьян, но особенно у мелких специалистов, разочаровавшихся в поисках послушной жены на родине и решивших получить таковую из-за рубежа. К тому же там в женщинах нет недостатка: сотни, тысячи русских, польских и румынских женщин готовы выйти замуж за европейца, надеясь таким образом выбраться из нищеты. На этих надеждах и строят свой прибыльный бизнес коммерсанты любви.

До сих пор торговля филиппинскими девушками приносила агентствам хорошие барыши, но теперь, когда президент Филиппин Корасон Акино намерена прекратить «продажу женщин», настало время искать новые рынки. На востоке Европы с этим никаких проблем. Достаточно найти «родственные души», дать объявление, состряпать каталог — и дело сделано.

В бывшей коммунистической империи, перенявшей предпринимательский дух Запада, — в России, Польше, Румынии и Чехо-Словакии — быстро растет рынок браков по переписке. Среди итальянских получателей потоков писем с Востока самую большую славу снискал Лючано Певерати. С протестом против его деятельности даже выступила газета «Правда». Ему 47 лет, он преподает в университете Феррары, а после полудня — управляющий брачного агентства «Фоколаре 2000». Недавно он объявил о скором прибытии целого батальона русских красавиц, ищущих итальянских женихов — «серьезных, честных и работающих». Русские женщины (в отличие от итальянских) обладали массой достоинств: простые, преданные, любящие семью, в возрасте от 18 до 58 лет, из всех социальных слоев, рабочие и служащие, но главное, на что делает акцент синьор Певерати, — все дипломатки и лауреатки каких-то конкурсов. Как он их нашел? «Очень просто», — отвечает он. — Мне помог мой друг, преподаватель в Москве. Он поместил объявление в газете и создал почтовую службу знакомств «Синдбад». Результат? Более 6 тысяч писем за месяц. Чтобы собрать такое количество предложений от итальянок, потребовалось бы не менее четырех лет». И он пророчески заявляет: «Как видите, будущее за брачными агентствами, ориентирующимися на Восточную Европу».

Женихи приезжают за ними в Милан, в аэропорт Линате. Они обязуются их содержать в течение месяца, то есть срока действия туристической визы. Кроме того, они обязаны уплатить по счету брачному агентству Прейскурант, например в «Фоколаре», таков. 3 миллиона лир за посреднические услуги и миллион за авиабилет. Эту сумму клиент может выплатить в рассрочку.

Но желающие жениться не скупятся на расходы. «Главное, чтобы на этот раз женщина оказалась хорошей», — говорит синьор Джованни из Феррары. Ему 48 лет, он

Мария Грация НУТУЛИ,
итальянская журналистка

надеется, что Наташа, русская женщина 38 лет, улыбающаяся с фотографии, будет «не такой, как прежние». Синьор Джованни, а какими были прежние женщины? «Они были... были... слишком требовательными! Когда с ними познакомишься, они сама нежность и любовь, но скоро сбрасывают маску и начинают давить... Нет, уж лучше иностранка».

Уж лучше иностранка: она мало что понимает, по-итальянски не говорит, не протестует. Так я поняла из разговоров с клиентами «Фоколаре». Однако потраченные 4 миллиона не гарантируют успеха, как это случилось, например, с инженером Карло Р. из Анконы. Сначала ему повезло: первая же русская, предложенная ему Певерати, понравилась синьору Карло. Но в течение месяца, что они жили вдвоем (инженер, которому 43 года, живет вместе с мамой), она показала «характер как у генерала Красной Армии». Упрямая, властная, всегда недовольная, она заставила инженера отращивать бороду, не разрешала курить, потребовала, чтобы он сменил стиль одежды. «Я покупал ей платья, а ей хотелось шубу». Почему он решил жениться на иностранке? «Я живу с мамой, и никакая итальянка с ней не уживется. Я-то хотел выписать невесту из Бразилии, но мама воспротивилась: ей не хотелось, чтобы у моей жены была смуглая кожа». У Татьяны кожа белая. Едва говорит по-итальянски, зато все понимает. Она поняла требование мужа: зависимость и покорность. А когда поняла, то испугалась. Свою жизнь в Италии она представляла совсем не так. «Опера Ла Скала, Верди, итальянские песни...» В Москве «Синдбад» обещал ей щедрого, симпатичного и ласкового мужа.

Когда на обратном пути в Россию она, уже в одиночестве, снова оказалась в миланском аэропорту Линате, до нее, конечно, никому не было дела. «Я не знала, что предпринять. У меня не было денег, только на билет... я обратилась к служащим аэропорта, но едва произнесла слова «брачное агентство», как надо мной стали смеяться...»

Перевел с итальянского В. ГАВРИЛОВ

АМЕРИКАНКА В «РУССКОМ ДОМЕ»

STEP BY STEP

(Песня из репертуара группы «New Kids On The Block», текст и музыка Мориса Старра)

Step by Step
Ooh Baby gonna get to you girl

Step by step ooh baby
Gonna get to you girl
Step by step ooh baby
Really want you in my world

Step — hey girl in your eyes
I see a picture of me all the Time
Step — and girl when you smile
You got to know
that you drive me wild

Step by step
Ooh Baby you're always on my mind
Step by step
Ooh girl
I really think it's just a matter of time

Step — hey girl can't you see
I got to have you all just for me
Step — and girl yes it's true
no one else will ever do
Step by step
Ooh Baby you're always on my mind
Step by step
Ooh girl
I really think it's just a matter of time

Step one
We can have lots of fun
Step two
There's so much we can do
Step three
It's just you and me
Step four
I can give you more
Step five
Don't you know that the time has arrived

Step by step
Ooh baby
You're always on my mind
Step by step
Ooh girl
I really think it's just a matter of time

Девочки, похожие на нее, вырастают в маленьких американских городках, расположенных на обочине скоростных шоссе: «Наш городок был из тех, что проскакивают в зеркальце заднего вида». Девочки вроде нее лазают по деревьям, дерутся с мальчишками и получают хорошие оценки только по литературе. Девочки вроде нее (в Америке) начинают работать лет с четырнадцати — в местном универмаге или аптеке, или в кафе. И ждет их жизнь такая же, как у мам: лет в девятнадцать — замуж за местного водопроводчика или, если повезет, владельца маленькой мастерской, трое или четверо детей, набор каждодневных забот и ранние морщинки (такие нежные блондиночки стареют рано).

«Я стояла у кассы в нашем универмаге — в красном фирменном халатике и в красных башмаках на низком каблучке, чтоб не болели ноги. В тот день мне исполнилось восемнадцать. И со мной вдруг случился припадок достоинства, со мной бывают такие припадки. Я вдруг подумала, что такая жизнь — не для меня».

Что в таких случаях делают похожие на нее девочки, если у них хорошие отметки по литературе, длинные ноги и достаточно симпатичное личико? Они едут учиться на актрис, благо в Америке платных актерских курсов предостаточно. А после этого — если очень повезет — может подвернуться работа в рекламном агентстве или даже маленькие роли в телесериалах...

Так оно и было: Мишель Пфайффер снималась в дурацких рекламных роликах, в которых ее, из-за длины ног, непременно наряжали в шорты, произнесла одну фразу в фильме «Остров фантазии» и даже не могла позволить себе завести собственного театрального агента — ему же платить надо!

Следовало возвращаться на круги своя. Мишель вышла замуж — за такого же не очень-то удачливого актера Питера Хортон, и в день свадьбы случилось чудо: ей позвонили и предложили роль в фильме «Напoмаженный-2». Потом пришел черед «Лица со шрамом» (там она работала уже с самим Аль Пачино) — и дело, похоже, двинулось. Однако ей была уготована роль стервоз: режиссерам нравилось играть на контрасте между ангельской внешностью и взрывным темпераментом.

Настоящая слава пришла после «Иствикских ведьм», где она сыграла как бы предназначенную ей судьбу: милая многодетная мамочка, работающая в местной газете традиционного американского городка. И если б дьявол не попутал, так бы и прошла жизнь — в скуке и местных сплетнях... Затем — «Замужем за мафией» (картина шла на наших экранах), «Текила Санрайз» (с Мелом Гибсоном), еще пара фильмов... «Я двигалась по своей колее — уже достаточно наезженной. И тут со мной опять случился припадок достоинства. Я сказала себе: «Хватит. Надо поднимать планку». И я согласилась участвовать в театральной постановке — в Нью-Йорке ставили «Двенадцатую ночь» Шекспира. Все было отлично, но и это не очень-то изменило меня. А я хотела перемен. Мне предложили роль русской женщины Кати в «Русском доме» по роману Джона Ле Карре. Фильм снимался в России, и вот, попав в эту совершенно новую обстановку, погрузившись в новый для меня характер, в новую жизнь, я вдруг нашла другую себя. Все прежние роли были в какой-то степени развитием определенных черт моей собственной натуры, а этот характер не имел ничего общего с характером обыкновенной американки, такой, как я.

Я узнала, что русские женщины куда более пассивны и ранимы, чем мы, и хотя в материальном плане им почти нечего терять, они рискуют гораздо большим, чем можем рисковать мы: своими детьми, своей свободой и жизнью. Уверяю вас, такой опыт очень отрезвляет, я вдруг увидела то, что составляет основу моей жизни, а не всякую окружающую ее чепуху.

Я вдруг увидела, что все в этой жизни могу делать сама, что мне, по-честному, никто не нужен — между прочим, я даже сама сложила в нашем доме камин. Вы хоть представляете, как это трудно? И вторая моя проблема — я не умею просто жить. Мне нужно работать, и я работаю — с четырнадцати лет. Скажите, пожалуйста, кому-нибудь нужны такие женщины? Да еще с внешностью тихой блондинки?

Потому-то мне все время и казалось, что я обманываю людей, что я самозванка и что когда-нибудь мой обман откроется. Так что лучше уж сказать об этом самой.

Я подняла планку «Русским домом», что будет дальше — не знаю.

П. ВАГИНА

MICHELLE PFEIFFER

PRETTY WOMAN

Видеоклуб

США. 1990 г. 2 ч. Реж. Гарри Маршалл. В главных ролях: Ричард Жир (Эдвард Льюис), Джулия Робертс (Винни Уорд), Гектор Элизондо, Лаура Сан Джакомо и др.

Фильм, дарящий надежду девушкам, пошедшим по кривой дорожке: начинающая проститутка знакомится с миллионером, и тот наставляет ее на путь истинный. Нечто вроде современного «Пигмалиона». Одно только жаль: у нас и миллионеры-то тоже плохонькие, подпольные... А то бы — мало ли — и сказки могли становиться былью.

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

США. 1990 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Джон Франненхеймер. В ролях: Рой Шейдер (Джек Ноулс), Юрген Прочноу (Валачев), Тим Рейд, Гарри Дин Стэнтон, Лара Харрис и др.

Когда-то у Эйнштейна спросили, каким оружием будет вестись третья мировая война. Он ответил, что не знает, но точно знает, чем будут воевать в четвертой — палками и камнями. Именно о такой войне и идет речь в фильме, устаревшем сразу после выхода на экран: здесь показано противостояние двух крепких воинов, американского и советского, в некой точке на чешско-западногерманской границе. Правда, чтобы не вызвать крупного международного конфликта, они воюют... снежками, однако к концу фильма, слава Богу, все же понимают, что и такое оружие — признак старого мышления. И на последних секундах переходят к новому...

THE FOURTH WAR

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЙНА

THE PUNISHER

КАРАЮЩИЙ

США. 1990 г. 1 ч. 34 мин. Реж. Дикс Лейфа. В ролях: Дольф Ландгрэн («Карающий»), Луис Госсетт-мл. и др.

Еще одно произведение в модном нынче «комиксовом» стиле (вспомним «Бэтмена», «Дика Трейси»). Герой-полицейский считается погибшим в катастрофе, подстроенной гангстерами: они подкладывают бомбу в машину, в которой должны ехать герой и его семья. Семья погибает, а выживший герой недогнущей рукой и самыми разными способами наравляет злодеев (на этот раз — японских гангстеров, пробравшихся в США).

Шведский актер Дольф Ландгрэн, чьи бицепсы, как утверждает реклама, в окружности аж на два сантиметра больше, чем у Сталлоне (что не мешало герою Сталлоне победить героя Ландгрена в «Рони-IV»), вышел «в первую десятку» — теперь уже он побеждает всех.

США. 1990 г. 1 ч. 28 мин. Реж. Айвен Рейтман. В ролях: Арнольд Шварценеггер, Памела Рид, Линда Хант, Ричард Тайсон и др.

Еще во время съемок «Близнецов» А. Рейтман понял, что у Арнольда Великолепного вполне достаточно ума и таланта, чтобы посмеяться над собственным имиджем супермена. И вот новый результат их сотрудничества: американизированный вариант «Уса-того няня»: полицейский, выслеживая преступника, устраивается на работу в детский сад. Новоиспеченному воспитателю приходится выдерживать такой натиск маленьких сорванцов, по сравнению с которым бой с любой бандой кажется просто милой игрой.

KINDERGARTEN COP

ДЕТСАДОВСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

США. 1990 г. 2 ч. 7 мин. Реж. Ренни Харлин. В ролях: Брюс Уиллис (Джон Макклейн), Бонни Бадалия (Холли Макклейн), Уильям Атертон, Франко Неро и др.

Те, кто помнят первую часть этого боевика, помнят также, что герой его, храбрый полицейский Джон Макклейн, все время искал неприятностей на свою голову. Но неприятности все были какие-то традиционные: пули, пули и еще раз пули. На этот раз Джон Макклейн ищет неприятностей в новой обстановке: он прибывает в Вашингтонский аэропорт, чтобы встретить жену. А в аэропорту полным-полно торговцев наркотиками, которые собрались отбить у полиции некоего центральноамериканского диктатора, замешанного в торговле наркотиками. Макклейн понимает это первым, и — пули, пули, пули.

DIE HARD 2

БОРОТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО-2

FRESH HORSES

МОЛОДЫЕ ЛОШАДКИ

США. 1990 г. 1 ч. 43 мин. Реж. Дэвид Энспаф. В ролях: Молли Рингуолд (Джуэл), Эндрю Маннати (Мэтт Ларнин), Патти д'Арбанвилл (Джин) и др.

Студент-старшекурсник Мэтт Ларнин знакомится на вечеринке с достаточно загадочной девушкой Джуэл. Ради нее Мэтт порывает со своей прежней подружкой, девушкой из богатой семьи, но друзья предупреждают его: ничем хорошим его новый роман не кончится — Джуэл вышла из совсем другой среды, уровнем ниже. Да и Джуэл сама понимает, что отношения их обречены... В общем, ничего примечательного, если бы не блистательная игра звезды «подросткового» кино Молли Рингуолд.